

“...Если хочешь дожить до утра, не буди дьявола...”

ДЖОН Вердон

НЕ БУДИ ДЬЯВОЛА

MASTER DETECTIVE

CoRpus

ДЭЙВ ГУРНИ ПРОТИВ ДОБРОГО ПАСТЫРЯ

Дэйв Гурни

Джон Вердон

Не буди дьявола

«Corpus (АСТ)»

2013

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вердон Д.

Не буди дьявола / Д. Вердон — «Corpus (АСТ)», 2013 — (Дэйв Гурни)

Третий роман Джона Вердона об отставном детективе Дэйве Гурни. Дочь его старой знакомой, юная Ким Коразон записывает интервью с родственниками жертв серийного убийцы, известного как Добрый Пастырь. Десять лет назад он убивал владельцев дорогих черных “мерседесов” и называл это карой за алчность. Телепроект “будит дьявола”, полиция и ФБР идут по ложному следу, а Дэйву Гурни предстоит в одиночку искать и ловить хитроумного преступника, сомневаясь в себе и рискуя всем, что ему дорого.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Вердон Д., 2013
© Corpus (АСТ), 2013

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	57
Глава 11	60
Глава 12	63
Глава 13	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джон Вердон

Не буди дьявола

This edition is published by arrangement with The Friedrich Agency and The Van Lear Agency

© John Verdon, 2013

© Е. Кузнецова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Наоми

Часть первая Осиротевшие

Пролог

Нужно было ее остановить.

Намеки не помогли. По-хорошему она не понимала. Требовались жесткие меры. Нужны были драма и однозначность – и понятное всем объяснение.

Понятное – вот что главное. Чтобы не осталось места вопросам и сомнениям. Чтобы полиция, журналисты и эта любопытная дурочка – чтобы все они ясно поняли, что он имеет в виду и насколько это важно.

Он задумчиво посмотрел на желтый блокнот и написал:

Немедленно сворачивайте свой гнусный проект. То, что вы делаете, – чудовищно. Ваш проект воспекает худших людей на земле. Вы насмехаетесь над моей жадой справедливости, восхваляя преступников, которых я уничтожил. Вы превозносите худших из худших. Этому не бывать. Я этого не потерплю. Десять лет я жил в мире, зная, что достиг цели, зная, что оставил свое послание миру и добился справедливости. Не вынуждайте меня снова браться за оружие. Расплата будет ужасна.

Он перечитал написанное. Медленно покачал головой. Не тот тон. Вырвал листок и сунул его в шредер рядом со стулом. Потом начал заново:

Прекратите это занятие. Прекратите немедленно, бросьте все. Иначе снова прольется кровь, еще больше, чем прежде. Берегитесь! Не нарушайте мой покой.

Уже лучше. Но все равно не то.

Нужно добить это письмо. Чтобы стало совсем четко. Недвусмысленно. Яснее ясного. А времени в обрез.

Глава 1

Весна

Французские двери были распахнуты.

Стоя у кухонного стола, Дэйв Гурни хорошо видел окрестности: на полях снег уже сошел, лишь в лесу, в самых тенистых его уголках, упрямыми ледниками виднелись последние белые пятна.

В просторную кухню фермерского дома проникали терпкие весенние запахи: свежей земли, неубранного прошлогоднего сена. Колдовские запахи – когда-то от них захватывало дух. Но теперь они мало его занимали. Ну приятно пахнет. И что?

– Ты бы вышел во двор, – предложила Мадлен, ополаскивая миску из-под хлопьев. – Смотри, какое солнце. Красота.

– Вижу, – ответил он, не трогаясь с места.

– Выпить кофе можно и на террасе, там есть кресла, – продолжала она, поставив миску в сушилку. – Тебе полезно солнце.

– Хм, – он неопределенно кивнул и отхлебнул из кружки. – Это тот же кофе, что мы пили раньше?

– А чем он тебе не нравится?

– Я не говорил, что он мне не нравится.

– Да, это тот же кофе.

Он вздохнул.

– Я, наверно, простудился. Уже пару дней все безвкусное.

Она оперлась о раковину и обернулась к нему.

– Тебе надо чаще выходить. И что-нибудь делать.

– Да-да.

– Я серьезно. Нельзя сидеть сиднем и смотреть в одну точку. Так и заболеть недолго. Вот тебе и нездоровится. Ты, кстати, перезвонил Конни Кларк?

– Перезвоню.

– Когда?

– Как настроение будет.

Впрочем, не похоже было, что в обозримом будущем настроение появится. С ним не складывалось в последнее время, вот уже полгода. После странного дела об убийстве Джиллиан Перри, из-за которого он получил несколько ранений, Гурни словно полностью отстранился от обычной жизни, от планов и повседневной рутины, от людей и звонков, от всех обязанностей. И уже казалось, что предел мечтаний – это календарь без единой пометки, ни тебе дел, ни встреч. Он стал считать свою отстраненность свободой.

Вместе с тем ему хватало ума признать, что это ненормально и что в такой свободе нет покоя. Он чувствовал не безмятежность, а враждебность.

Отчасти Гурни даже понимал эту странную энтропию, понимал, что вывело из строя его жизненный механизм и довело его до изоляции. По крайней мере, он смог бы составить список причин своего нынешнего состояния. Начал бы со странного звона в ушах, преследовавшего его после комы. Вероятно, всему виной были события, произошедшие двумя неделями раньше, когда в маленькой комнате в него трижды выстрелили, почти в упор.

На что похож этот несмолкающий звук (то есть, конечно, вовсе не звук, объяснил лор, а отклонение в нервной системе, которое мозг воспринимает как звук), сказать было трудно. Высокий, тихий, по тембру – как если чуть слышно напевать одну ноту. Подобный симптом нередко встречался у рок-музыкантов и ветеранов войн, но физиологические причины его оставались неясными и лечению он, как правило, не поддавался.

– Вообще-то, детектив Гурни, – заключил врач, – после всего, что вы пережили, после таких ранений и комы вам чертовски повезло, что вы отделались лишь тихим звоном в ушах.

Не поспоришь. И все же нелегко было привыкнуть к тому, что и в полной тишине тебя преследует это тихий свист. Особенно это мешало по ночам. Днем звук был отдаленным, словно где-то закипает чайник, в темноте же он заполнял собой все пространство, сковывал Гурни зловещим, стальным холодом.

А еще были сны. Мучительные сны, от которых начиналась клаустрофобия, обрывки больничных воспоминаний: как он не мог пошевелить загипсованной рукой, как трудно было дышать. Проснувшись, Гурни долго не мог отойти от кошмара.

На правой руке у него так и осталось онемевшее пятно в том месте, куда, раздробив запястную кость, вошла первая пуля. Он постоянно, чуть ли не ежечасно, трогал это пятно, надеясь, что онемение прошло, а то еще и боясь, как бы оно не расползлось дальше. То и дело его мучила боль в боку – острая, всегда внезапная, там, куда попала вторая пуля. А середина лба, на линии роста волос, куда вошла третья, проломившая череп, слегка чесалась, но почесать не помогало.

Пожалуй, самым печальным последствием этого ранения стала патологическая потребность быть при оружии. На работе он носил пистолет лишь по долгу службы. В отличие от многих копов он никогда не питал любви к стволам. Выйдя в отставку после двадцати пяти лет работы, он расстался с золотым значком детектива и освободился от обязанности носить оружие.

Но потом его подстрелили.

И теперь каждое утро он пристегивал к ноге маленькую кобуру с “береттой” 32-го калибра. Он ненавидел эту свою потребность в оружии. Ненавидел внутреннюю перемену, из-за которой не мог больше обходиться без треклятого ствола. Надеялся, что мало-помалу тягостная зависимость сойдет на нет, но пока что надеялся понапрасну.

В довершение всего ему казалось, что Мадлен смотрит на него с какой-то новой тревогой. Эта тревога не была похожа ни на боль и панику тех дней, когда он лежал в больнице, ни на смесь надежды и волнения, которые он видел у нее на лице, выздоравливая. Это было что-то другое, тише и глубже – постоянный, едва скрываемый ужас, будто у нее на глазах происходит что-то страшное.

Он допил кофе в два глотка, так и не отходя от кухонного стола. Отнес кружку в раковину, включил горячую воду. Слышно было, как в прихожей возится Мадлен, чистит кошачий лоток. Кошку завели недавно, по инициативе Мадлен. Гурни не понимал, зачем ей это понадобилось. Может, она хотела его подбодрить? Думала, что ему полезно отвлечься на кого-то, кроме себя? Если так, то ничего не вышло. Кошка его интересовала не больше, чем все остальное.

– Я в душ, – объявил он.

Мадлен что-то ответила из прихожей, кажется “хорошо”. Точно он не расслышал, но переспрашивать было незачем. Он направился в ванную и включил воду.

Долгий, горячий душ. Живительные струи лились Гурни на спину, расслабляя мышцы, расширяя сосуды, прочищая мысли и пазухи, даря благодатное ощущение здоровья – восхитительное, но мимолетное.

Когда он, одевшись, вернулся к французским дверям, в сердце у него вновь проклевывалась тревога. Мадлен уже вышла на террасу, отделанную голубым камнем. Дальше находился клочок земли, которому два года усиленной стрижки придали некое сходство с газоном. Мадлен, в холщовой куртке, оранжевых тренировочных штанах и зеленых резиновых сапогах, шла по краю террасы, с энтузиазмом втыкая лопату через каждые несколько дюймов, проводя границу между плиткой и газоном, срезая чересчур разросшиеся корни. Она взглянула на мужа,

явно приглашая разделить труды, но он не выказал никакого интереса, и энтузиазм в ее глазах сменился разочарованием.

Гурни раздраженно отвернулся, и взгляд его упал на зеленый трактор рядом с амбаром у склона холма.

Мадлен проследила за движением его взгляда.

– Я тут подумала, не получится ли у тебя на тракторе выровнять колеи?

– Колеи?

– Ну там, где мы паркуемся.

– Конечно, – вяло отозвался он. – Да, пожалуй.

– Но это не срочно.

– Хм.

Спокойствие, наступившее после душа, окончательно покинуло Гурни при попытке сосредоточиться на сломанном тракторе. Что трактор сломан, он обнаружил с месяц назад и успел об этом благополучно забыть, лишь иногда накатывала паранойя, и тогда эта загадка сводила его с ума.

Мадлен пристально смотрела на него.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – сказала она. Затем улыбнулась, отложила лопату и направилась к боковой двери, чтобы снять сапоги в прихожей и уже оттуда зайти в кухню.

Гурни глубоко вздохнул и вновь уставился на трактор, в сотый раз пытаясь понять, отчего так странно заклинило борону. И вдруг, словно по злему умыслу, солнце закрыла черная туча. Весна как пришла, так и ушла.

Глава 2

Огромная услуга для Конни Кларк

Владения Гурни располагались в горной седловине за поселком Катскилл, в конце дороги, проходящей через Уолнат-Кроссинг. Старый фермерский дом стоял на пологом южном склоне. За ним простиралось неухоженное пастбище, на другом конце которого был выстроен большой красный амбар и вырыт глубокий пруд, теперь заросший рогозом и осененный ивами. За прудом начинался лес: буки, клены, черная вишня. Другое пастбище тянулось к северу от дома, вдоль гор: за ним виднелись сосновый бор и цепь заброшенных каменоломен, где некогда добывали песчаник. Оттуда открывался вид на следующую долину.

Погода резко поменялась: в горах Катскилл это бывает куда чаще, чем в Нью-Йорке, где Дэйв и Мадлен жили раньше. Небо аспидным одеялом нависло над холмами. За десять минут похолодало как минимум градусов на пять.

Что-то заморосило: не то дождь, не то снег. Гурни закрыл французские двери. Задвигая щеколду, он внезапно ощутил резкую боль в животе, с правой стороны. Потом снова. К этим приступам он привык: даже три таблетки ибупрофена не помогали. Он направился в ванную, к аптечке, невольно думая, что хуже всего не боль, а чувство собственной уязвимости: он выжил только потому, что ему повезло.

Слово “везение” Гурни не любил. Оно казалась изобретением глупцов, подделкой под компетентность. Он остался жив волей случая, но случай – ненадежный союзник. Его знакомые, те, кто помоложе, верили в удачу, прямо-таки полагались на нее, будто владели ею по праву. Но Гурни в свои сорок восемь твердо знал: везение – это случайность, и не более. Незримая рука, бросающая жребий, не милосердней трупа.

Боль в животе напомнила ему, что надо отменить прием у невролога в Бингемтоне. Он был у этого невролога уже четырежды за последние три месяца и с каждым разом все меньше понимал, зачем это нужно. Разве что затем, чтобы его страховой компании прислали счет.

Номер невролога, как и номера остальных врачей, хранился у него в письменном столе. Поэтому, вместо того чтобы идти в ванную за ибупрофеном, он направился в комнату. Набирая номер, он живо представлял себе врача: задерганного человечка под сорок, с проплешинами в черных выющихся волосах, с маленькими глазками, девчачьими губами, вялым подбородком, шелковистыми руками и безупречными ногтями, – представлял его дорогие туфли, пренебрежительную манеру речи и полное отсутствие интереса к Гурни, к его мыслям и чувствам. Три женщины в вылизанной ультрасовременной приемной, казалось, никогда ничего не понимали и были вечно всем недовольны: самим доктором, его пациентами, данными на экранах своих мониторов.

После четвертого гудка трубку сняли.

– Приемная доктора Хаффбаргера, – нетерпеливо, почти презрительно проговорил голос.

– Это Дэвид Гурни, у меня назначен прием, и я хотел бы...

Его резко оборвали:

– Подождите, пожалуйста.

Откуда-то доносился взвинченный мужской голос. Поначалу Гурни решил, что это ругается на что-то нудный и нетерпеливый пациент, но тут другой голос задал какой-то вопрос, затем к сваре присоединился третий – столь же пронзительный и негодующий, – и стало ясно, что это работает кабельный новостной канал: из-за него сидеть в приемной у Хаффбаргера было сущей пыткой.

– Алло, – повторил Гурни в явном раздражении. – Вы слушаете? Алло!

– Минутку, пожалуйста.

Голоса из телевизора, невыносимо пошлые, все не умолкали. Гурни уже готов был бросить трубку, когда ему наконец ответили.

– Приемная доктора Хаффбаргера, здравствуйте!

– Здравствуй, это Дэвид Гурни. Я хочу отменить прием.

– Какое число?

– Ровно через неделю, в одиннадцать сорок.

– Фамилию по буквам, пожалуйста.

Он хотел было спросить, сколько еще пациентов записаны в тот же день на 11:40, но послушно продиктовал свою фамилию.

– На какое число вы хотите перенести прием?

– Ни на какое. Я его отменяю.

– Нужно назначить другую дату.

– Что?

– Я не могу отменить прием доктора Хаффбаргера, могу только записать вас на другую дату.

– Но...

Женщина раздраженно перебила:

– Дату приема невозможно удалить из системы, не назначив другой даты. Такие правила у доктора Хаффбаргера.

Гурни почувствовал, как его рот скривился от злости, чересчур сильной:

– Меня не волнует, как устроена ваша система и каковы ваши правила, – сухо отчеканил он. – Я отменяю прием.

– Его придется оплатить.

– Не придется. Если Хавбургер будет против, передайте, пусть мне позвонит.

Он нервно бросил трубку, досадуя на себя за детское дурачество, что исковеркал имя врача.

Потом замер у окна, невидящим взором глядя на высокогорное пастбище.

“Да что за муть со мной творится?”

Правый бок снова резануло – отчасти ему в ответ. Боль напомнила Гурни, что он шел за таблеткой.

Он вернулся в ванную. Человек, уставившийся на него из зеркальной дверцы шкафчика, ему не понравился. Лоб в морщинах от тревоги, кожа бесцветная, глаза тусклые и усталые.

“Боже”.

Он знал, что ему надо бы снова тренироваться – все эти отжимания, подтягивания, упражнения на пресс некогда держали его в форме, так что он мог дать фору людям вдвое моложе. Но нынешнему отражению было ровнехонько сорок восемь, и это не радовало. Чему радоваться, когда тело исправно напоминает о своей смертности? Чему радоваться, когда обычная нелюдимость обернулась полной изоляцией? Нечему радоваться. Вообще.

Он взял с полки баночку с ибупрофеном, вытряхнул на ладонь три маленькие коричневые таблетки, хмуро изучил их и сунул в рот. Пока он ждал, когда из крана потечет холодная вода, из комнаты донесся телефонный звонок. Хаффбаргер, подумал он. Или кто-то из его приемной. Гурни решил не отвечать. “Ну их к черту”.

Послышались шаги Мадлен – она спускалась по лестнице. Через несколько секунд она взяла трубку, едва опередив допотопный автоответчик. Гурни слышал ее голос, но слов было не разобрать. Он налил воды в пластиковый стаканчик и запил уже подразмокшие на языке таблетки.

Сначала он подумал, что Мадлен выясняет отношения с Хаффбаргером. Ну и славно. Но потом шаги послышались ближе: Мадлен шла по коридору в спальню. Потом она вошла в ванную и протянула Гурни трубку.

– Тебя, – сказала она и вышла.

Гурни ожидал услышать Хаффбаргера или одну из его угрюмых секретарш и потому произнес намеренно резко:

– Да?

На секунду повисла пауза.

– Дэвид? – этот звучный женский голос был ему, несомненно, знаком, но чей он, не удалось вспомнить.

– Да, – отозвался Гурни уже мягче. – Простите, но я не совсем...

– Как ты мог забыть? О, детектив Гурни, я этого не переживу! – патетически воскликнула женщина. Этот тембр и шутливые интонации неожиданно вызвали в памяти образ худощавой, умной, энергичной блондинки с куинсским акцентом и скулами как у модели.

– Господи, Конни! Конни Кларк! Сколько лет!

– Шесть.

– Шесть лет. Господи. – На самом деле число лет мало что значило для него, но надо же было что-то сказать.

Воспоминания об их встречах вызвали у него смешанные чувства. Конни Кларк, журналист-фрилансер, опубликовала в журнале “Нью-Йорк” хвалебную статью о Гурни, после того как он распутал печально известное дело серийного убийцы Джейсона Странка (а всего тремя годами ранее выследил другого серийного убийцу, Хорхе Кунцмана, и за это его повысили до детектива первого класса). Статья была хвалебной до неловкости: в ней отдельно подчеркивалось число выслеженных убийц, а сам Гурни был назван суперкопом – изобретательные коллеги долго еще развлекались, коверкая это прозвище на разные лады.

– Ну что, как тебе живется в мирном краю отдохновения?

В голосе звучала усмешка, и Гурни подумал, что она, наверно, знает о делах Меллери и Перри, которые он распутывал, уже выйдя в отставку.

– То мирно, то не очень.

– Вау! Догадываюсь, что это значит. Проработав двадцать пять лет в полиции Нью-Йорка, ты выходишь в отставку, уезжаешь в безмятежный Катскилл – и через десять минут на тебя сыплется убийство за убийством. Ты просто магнит: притягиваешь крупные дела. Ну и ну! А как на это все смотрит Мадлен?

– Ты с ней только что говорила. Спросила бы у нее.

Конни рассмеялась, будто он сказал что-то на редкость остроумное.

– Ну а кроме расследований ты что там делаешь?

– Да ничего особенного. Ничего не происходит. Вот у Мадлен дел больше.

– Я чуть не померла: все представляла, что ты живешь, как на картинах Нормана Роквелла. Дэйв готовит кленовый сироп. Дэйв варит яблочный сидр. Дэйв в курятнике – нет ли свежих яиц?

– Нет, яиц нет. И ни сиропа, ни сидра.

Ему-то приходили на ум совсем другие картинки последних шести месяцев: Дэйв строит из себя героя. В Дэйва стреляют. Дэйв еле-еле поправляется. Дэйв сидит и слушает шум в ушах. Дэйв подавлен, озлоблен, ушел в себя. Дэйву предлагают что-то сделать. Дэйв считает это наглým посягательством на свои права. На право вязнуть в своем вонючем болоте. Дэйву все безразлично.

– Так что ты сегодня делаешь?

– Честно, Конни, почти ничего – чертовски мало. Ну, может, обойду поля, может, поберу валежник после зимы, может, клумбы удобрю. Такие дела.

– Звучит неплохо. Знаю людей, которые много бы дали за такую жизнь.

Он не ответил: надеялся, что затянувшееся молчание заставит ее сказать о цели звонка. Она ведь звонит не просто так. Конни была женщина душевная и словоохотливая – это он

помнил, – но заговаривала всегда с какой-то целью. Под белокурой гривой таился неутомимый ум.

– Ты, наверное, гадаешь, почему я тебе звоню, – сказала она. – Так?

– Да, я об этом подумал.

– Я звоню попросить об услуге. Об огромной услуге.

Гурни на мгновение задумался, потом рассмеялся.

– А что смешного? – Похоже, смех обескуражил ее.

– Ты мне однажды сказала, что просить надо только о большой услуге: если просят о маленькой, легче отказать.

– Ну нет! Не верю, что я могла такое сказать. Это же явная манипуляция, ужас какой. Ты ведь это все выдумал? – Конни исполнилась радостного негодования. Ее невозможно было надолго выбить из колеи.

– Так что ты хотела?

– Ты правда, правда все выдумал! Я знаю!

– Так все же, что ты хотела?

– Теперь мне совсем неловко, но это правда была бы огромная услуга. – Она помолчала. –

Ты помнишь Ким?

– Твою дочь?

– Мою дочь. Она тебя боготворит.

– Что, прости?

– Только не притворяйся, что не знал.

– Ты сейчас о чем?

– Ох, Дэвид, Дэвид! Все женщины от тебя без ума, а ты хоть бы заметил.

– Кажется, я видел твою дочь один раз, и ей было лет... пятнадцать?

Он вспомнил, что за ланчем в доме Конни с ними сидела симпатичная, но очень уж серьезная девочка – в разговор не вступала, вряд ли и слово вставила.

– На самом деле ей было семнадцать. Ну ладно, может, “боготворит” – слишком пафосное слово. Но она поняла, что ты очень, очень умен, а для Ким это много значит. Сейчас ей двадцать три, и я знаю, что она очень высокого мнения о суперкопе Гурни.

– Это мило, но я не понял, к чему...

– Разумеется, не понял. Я тебя сама запутала с этой моей преогромной услугой. Может, ты сядешь? Разговор не такой уж короткий.

Гурни все еще стоял в ванной, прямо у раковины. Через спальню и холл он прошел к себе в комнату. Садиться ему не хотелось, и он подошел к окну, выходящему на задний двор.

– Все, Конни, я сел, – сказал он. – Что случилось-то?

– Нет, ничего плохого. Наоборот, кое-что изумительное. Ким невероятно повезло. Я тебе говорила, что она интересуется журналистикой?

– Пошла по стопам матери?

– Боже, ни в коем случае не говори этого ей, не то она тут же все бросит! Похоже, главная цель ее жизни – это полная от матери независимость! И не говори, что она пошла. Она не пошла, а вот-вот разбежится и прыгнет. Так вот, давай я объясню что да как, а то ты совсем запутаешься. Она заканчивает магистратуру по журналистике, учится в Сиракьюсе. Это ведь недалеко от вас?

– Ну не прямо по соседству. Ехать – ну, скажем, час сорок пять.

– О'кей, терпимо. Немногим дольше, чем мне до города. Ну так вот, для диссертации она придумала сделать документальный мини-сериал о жертвах убийств, точнее, не о самих жертвах, а об их семьях, о детях. Ей интересно посмотреть, как убийство влияет на родственников жертвы, если дело не было закрыто.

– Не было?..

– Да, она хочет взять случаи, когда убийцу так и не нашли. И рана так и не затянулась по-настоящему. Неважно, сколько времени прошло, в эмоциональном плане это самый значимый факт их жизни: он создает мощнейшее силовое поле, необратимо меняющее жизнь. Передача будет называться “Осиротевшие”. Разве не гениально?

– Звучит интересно.

– Более чем интересно! Но главное – ты закачаешься. Это не просто идея. Она будет воплощена в жизнь! Начиналось все как чисто академический проект, но научный руководитель Ким настолько впечатлился, что помог ей оформить настоящую заявку. Он даже заставил ее заключить договоры об исключительном праве на съемку с некоторыми из будущих героев фильма, чтобы идею не украли. Затем передал заявку какому-то знакомому продюсеру с канала РАМ-ТВ. И представляешь, он хочет это снимать! Мгновение – и вместо нудной диссертации мы получаем блестящий профессиональный дебют, какой многим ее сверстникам и не снился. РАМ – это ведь самый крутой канал.

Гурни сказал бы, что РАМ больше всех каналов виноват в том, что новости превратились в шумный, пестрый, пошлый, дурманивший балаган паникеров. Но поборол искушение и промолчал.

– Ну так вот, – восторженно продолжала Конни, – ты, наверно, гадаешь, при чем тут мой любимый сыщик?

– Я слушаю.

– Тут несколько вещей. Во-первых, мне хотелось бы, чтобы ты за ней чуть-чуть присмотрел.

– То есть?

– Ну встретился бы с ней. Вник бы в то, что она делает. Посмотрел бы, верно ли изображает жертв насилия: ты ведь знаешь, что с ними происходит. Это для нее такой шанс. Если не наделает ошибок, перед ней такие горизонты!

– Хм-м.

– Мычание – знак согласия? Ну пожалуйста, Дэвид!

– Конни, я ни черта не понимаю в журналистике. – А то, что понимал, вызывало отвращение, но об этом Гурни тоже промолчал.

– Журналистика – это по ее части. Ума ей не занимать. Но она еще совсем ребенок.

– Ну так что тут нужно от меня? Возраст?

– Контакт с реальностью. Знание. Опыт. Широта перспектив. Глубокая мудрость, как результат... скольких раскрытых дел об убийствах?

Он решил, что вопрос риторический, и отвечать не стал.

Конни продолжала еще энергичнее:

– Она просто суперспособная, но одно дело способности, другое – опыт. Она разговаривает с людьми, у которых убили отца, или мать, или еще кого-то из близких. Ей важно не потерять чувство реальности. Ей надо видеть всю картину, понимаешь? Столько поставлено на карту, ей нужно знать как можно больше.

Гурни вздохнул.

– Боже, об этом же написаны тонны книг. Горе, смерть, утрата близких...

Она перебила его:

– Знаю, знаю, все это психоложество – проживание потери, пять стадий дерьмования, что там еще. Ей не это нужно. Ей нужно поговорить с кем-то, кому есть что сказать про убийства, кто видел жертв, их глаза, их ужас, с кем-то, кто во всем этом разбирается, а не просто написал книжонку. – Повисло долгое молчание. – Ну так что, ты согласен? Просто встретитесь с ней, посмотришь, какие у нее наработки и что она собирается делать. Что скажешь?

Гурни смотрел в окно на темное пастбище, и меньше всего его прельщала перспектива встречаться с дочерью Конни и сопровождать ее на пути в мир вульгарного телевидения.

– Конни, ты говорила о каких-то двух вещах. Какая вторая?

– Ну... – голос Конни заметно ослаб. – Еще у нее проблема с бывшим парнем.

– В чем проблема?

– То-то и непонятно. Понимаешь, Ким хочет казаться неуязвимой. Мол, никого она не боится.

– Но?..

– Но как минимум этот урод позволяет себе гнусные приколы.

– Например?

– Например, залез к ней в квартиру и разворошил вещи. Еще она тут обмолвилась, что у нее пропал нож, а потом появился снова. Я попробовала расспросить подробнее, но она молчит.

– Как ты думаешь, почему она об этом заговорила?

– Может, хочет попросить помощи, но в то же время не хочет. И никак не определится.

– Урода, наверное, как-то зовут?

– Его настоящее имя – Роберт Миз. Сам он представляется как Роберт Монтегю.

– Он как-то связан с ее телепроектом?

– Не знаю. Но чует мое сердце: дело хуже, чем она рассказывает. По крайней мере мне. Так что... Дэвид, ну пожалуйста! Пожалуйста! Мне больше не к кому обратиться. – Он не ответил, и она продолжала: – Может, это я себя накручиваю. Может, я все выдумала. Может, проблемы никакой и нет. Но если и нет, так было бы хорошо, если б ты послушал про этот ее проект, про этих жертв и их семьи. Для нее это так важно. Такой шанс, он раз в жизни выпадает. Она такая целеустремленная, такая увлеченная.

– Ты как будто дрожишь.

– Не знаю. Я просто... волнуюсь.

– Из-за проекта или из-за ее бывшего?

– Из-за всего сразу, наверно. С одной стороны, это ведь потрясающе, правда? Но у меня сердце разрывается, как подумаю, какая она целеустремленная, уверенная, независимая, что у нее дел невпроворот, а мне и не скажет, и ничем я ей помочь не могу. Боже, Дэвид, у тебя ведь у самого сын, да? Ты ведь понимаешь, что я чувствую?

Гурни уже десять минут как положил трубку, но все еще стоял у большого северного окна и все ломал голову, с чего Конни говорила так сумбурно, на нее это не похоже, и с чего он согласился встретиться с Ким, и почему, наконец, все это его так встревожило.

Наверно, потому, подумал Гурни, что она упомянула его сына. Это было его больное место, а почему больное, Гурни сейчас разбираться не хотел.

Зазвонил телефон. Гурни с удивлением обнаружил, что забыл положить трубку, и она до сих пор у него в руке. Ну теперь-то точно Хаффбаргер, подумал он, звонит отстаивать свои идиотские правила записи. Так и подмывало не отвечать, пусть себе послушает автоответчик. С другой стороны, хотелось побыстрее развязаться и забыть об этом. Гурни принял вызов.

– Дэйв Гурни слушает.

Ответил звонкий женский голос, чистый и молодой:

– Дэйв, спасибо вам огромное! Мне только что звонила Конни, сказала, вы согласны со мной поговорить.

На секунду он растерялся. Его всегда корбило, когда родителей называли по имени.

– Ким?

– Ну конечно! А вы думали кто? – Он не ответил, и она затараторила дальше. – Понимаете, как здорово вышло: я как раз еду из Нью-Йорка в Сиракьюс. Сейчас я на развязке семнадцатой и восемьдесят первой. То есть могу пульнуть по восемьдесят восьмой и минут через тридцать пять оказаться в Уолнат-Кроссинге. Вы не против, если я заеду? Я, конечно, ужасно поздно предупреждаю, но ведь как все сошлось! И так хочется вас повидать!

Глава 3

Последствия убийства

Трассы 17, 81 и 88 пересекаются около Бингемтона, а до Уолнат-Кроссинга оттуда добрый час езды. Интересно, подумал Гурни, отчего Ким так оптимистично рассчитала время: по незнанию или от избытка энтузиазма? Но это был лишь меньший из вопросов, которые волновали его, когда он смотрел, как маленькая задиристая “мазда-миата” красного цвета, поднимается к дому по склону холма.

Открыв боковую дверь, Гурни вышел на площадку с гравием и скошенной травой, где стоял его “субару-аутбек”. “Миата” пристроилась рядом, из нее вышла девушка с изящным портфелем, в джинсах, футболке и стильном блейзере с закатанными рукавами.

– Ну что, узнали бы вы меня, если бы я не позвонила? – усмехнулась она.

– Возможно, если бы успел разглядеть твое лицо, – ответил Гурни.

Сейчас он этим и занялся: лицо было обрамлено каштановыми волосами, небрежно разделенными на прямой пробор.

– Лицо у тебя не изменилось, но оно живее и счастливее, чем в тот день, когда мы обедали с тобой и твоей мамой.

На миг она озадаченно нахмурилась, потом рассмеялась.

– Не в тот день, а вообще в то время. Тогда мне и правда жилось невесело. Немало времени ушло, чтоб понять, чего я хочу от жизни.

– Думаю, ты поняла это быстрее многих.

Она пожала плечами и осмотрелась.

– Какая красота. Как вам, наверное, тут хорошо. И воздух такой свежий и прохладный.

– Пожалуй, слишком прохладный для начала весны.

– Боже, ведь и правда! Столько всего, что я ничего уже не помню. Ведь уже весна. А я и забыла!

– Ничего, бывает, – успокоил ее Гурни. – Пойдем в дом, там теплее.

Через полчаса Ким и Дэйв сидели за невысоким сосновым столом в закутке у французской двери и допивали кофе с тостами и омлетом. Мадлен настояла на втором завтраке, узнав, что Ким провела все утро за рулем и ничего не ела. Теперь хозяйка уже отмывала плиту, а девушка рассказывала свою историю с самого начала – объясняла, зачем приехала.

– Я уже много лет живу с этой идеей: исследовать страшное воздействие убийства на человеческую жизнь, изучив те последствия, к которым оно неизбежно приводит родственников жертвы. Просто я никогда не знала, как к этому подступиться. Бывало, я выкидывала эту мысль из головы, но она сама возвращалась и с каждым разом все настойчивее. Я на ней просто помешалась, и надо было что-то делать. Сначала я думала, не написать ли академическую книжку – ну, по социологии или по психологии. Посылала заявки в университетские издательства, но у меня не было степени, и я их не заинтересовала. Тогда я решила написать обычный научпоп. Но, чтобы напечатать книжку, нужен агент, а значит, опять слать заявки. Агенты, как вы догадались, ноль внимания. Мне же двадцать один, ну двадцать два – на кой я им сдалась? Что я уже написала? Позвольте, мол, ваше резюме. Короче, молчи, девочка. Все, что у меня было, – это задумка. И тут меня осенило. Елки-палки! Это же не книга, а телепрограмма! И все стало на свои места. Я поняла, что хочу снять серию частных интервью – очень личных, реалити-шоу в лучшем смысле этого слова. Сейчас этот жанр ужасно замылен, но можно сделать и не замылено, так, чтобы в этом была эмоциональная правда!

Ким замолчала, будто вдруг прониклась своими же словами, затем растерянно улыбнулась, откашлялась и продолжила:

– В общем, я все это подробно описала и предложила доктору Уилсону, моему научному руководителю, как проект магистерской диссертации. Он сказал, что это отличная идея, очень перспективная. Помог мне сделать из нее коммерческое предложение, помог с юридической стороной дела, чтобы мои права не нарушались, а потом сделал то, чего, по его собственному признанию, никогда не делал прежде. Передал мой проект своему знакомому продюсеру с канала РАМ-ТВ – некоему Руди Гетцу. А Гетц пришел через неделю и сказал: “О’кей, давайте снимать”.

– Прямо так и сказал? – спросил Гурни.

– Я тоже удивилась. Но Герц говорит, на РАМ-ТВ все так и делается. Я не сомневаюсь. Но как подумаю, что мой проект будет реализован, что я буду заниматься этой темой... – Она помотала головой, словно отмахиваясь от какого-то мимолетного чувства.

Мадлен подсела к ним и произнесла вслух то, о чем думал Гурни.

– Похоже, для тебя это важно? По-настоящему важно, не только из-за карьеры?

– Боже, ну конечно же.

Мадлен слегка улыбнулась:

– А в чем сердцевина этого замысла? Что для тебя в нем самое важное?

– Семьи, дети... – Она вновь запнулась, словно бы ее собственные слова вызвали в памяти какой-то образ. Потом отодвинула стул, встала и подошла к французской двери на террасу, с видом на сад, луг и лес вдалеке.

– Глупо, конечно... но почему-то сама не могу объяснить, – продолжала она, теперь повернувшись к ним спиной, – об этом мне проще говорить стоя. – Она дважды откашлялась и лишь потом еле слышно заговорила: – Мне кажется, убийство меняет всю жизнь человека, навсегда. Оно похищает что-то, чего уже никогда не вернешь. Последствия убийства гораздо значительней того, что случается с жертвой. Жертва погибает, это ужасно, это несправедливо, но это уже конец. Жертва потеряла все на свете, но сама этого не знает. Она больше не ощущает потери, не представляет, что могло быть иначе.

Ким подняла руки и уперлась ладонями в стекло, этот жест выдавал, что ее переполняют чувства и самообладание стоит ей больших усилий. Затем она продолжала, уже громче:

– Не убитому ведь просыпаться в опустевшей постели и в опустевшем доме. Это не ему снится, будто он жив, и не он утром с болью поймет, что это лишь сон. Это не он задыхается от ярости, не его сердце разрывается. Не он смотрит на пустой стул за столом, не ему мерещится знакомый голос. Не он видит полный шкаф своих вещей. – В голосе появилась хрипотца, и Ким снова откашлялась. – Он не знает этой агонии, когда из жизни вырвали самую ее суть.

На несколько долгих мгновений она замерла, прислонившись к окну, затем медленно от него отстранилась и повернулась к столу. По щекам ее текли слезы.

– Вы ведь знаете, что такое фантомные боли? При ампутации. Когда руку или ногу отрезали, а она болит. Вот что чувствует семья убитого. Как будто ампутировали часть тела, а оставшаяся пустота невыносимо болит.

Она вновь замерла неподвижно, словно вглядываясь внутрь себя. Затем кое-как вытерла ладонями слезы и вынырнула обратно в мир – в голосе и во взгляде сквозила спокойная решимость.

– Чтобы понять природу убийства, нужно общаться с семьями погибших. Такова моя теория, мой проект и мой замысел. Руди Гетц был в восторге. – Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула: – А можно еще кофе, если не сложно?

– Не сложно. – Мадлен дружелюбно улыбнулась, встала и заправила кофеварку.

Гурни откинулся на стуле, задумчиво подперев руками подбородок. С минуту-другую все молчали. Кофеварка начала пофыркивать.

Ким обвела взглядом просторную кухню.

– Как у вас хорошо, – сказала она. – Так уютно, по-домашнему. Просто отлично. Настоящая мечта – такой дом в деревне.

Мадлен налила ей кофе, и Гурни продолжил прерванный разговор.

– Совершенно ясно, что ты очень увлечена этой темой, она для тебя по-настоящему важна. Но неясно, к сожалению, чем я могу быть тебе полезен.

– А о чем вас просила Конни?

– Чуть-чуть за тобой присмотреть – так она выразилась.

– А она не упоминала... о других проблемах? – Гурни показалось, будто Ким старается говорить непринужденно – по-детски наивная попытка.

– Считать ли твоего бывшего парня проблемой?

– Так она и про Робби говорила?

– Она упомянула некого Роберта Миза. Или Монтегю?

– Миза. Монтегю – это он просто... Она прервала себя и встряхнула головой. – Конни думает, что мне нужна защита. Не нужна. Робби – он просто жалкий и дико надоедливый, я сама с ним разберусь.

– Он как-то связан с твоим проектом?

– Уже нет. А почему вы спрашиваете?

– Просто любопытно.

“Что любопытно? – Тут же упрекнул себя Гурни. – Какого черта я в это лезу? На кой мне сидеть и слушать, как эта нервная студенточка, у которой парень кретин, толкает слезливую речь про убитых и мечтает покорить самый пошлый телеканал страны? Надо выбираться из этой трясины”.

Ким смотрела на Гурни так, словно умела читать его мысли, как Мадлен.

– Все не так уж сложно. И поскольку вы любезно предложили мне помочь, я буду говорить прямо.

– Мы все еще подбираемся к вопросу о том, как я могу тебе помочь. Но пока я не понимаю...

Мадлен, успев вымыть тарелки и отжать губку, мягко его перебила.

– Может, сначала послушаем, что хочет сказать Ким?

Гурни кивнул:

– Хорошая мысль.

– Мы познакомились с Робби чуть меньше года назад в театральном кружке. Он, конечно, был самый красивый мальчик во всем универе. Прямо Джонни Депп в молодости. Где-то полгода назад мы стали жить вместе. Поначалу мне казалось, что я счастливей всех на свете. И когда я с головой ушла в свой проект, Робби меня вроде бы поддерживал. По сути, когда я выбрала семьи, у которых буду брать интервью, он ходил к ним вместе со мной – включился в работу, во всем участвовал. И тут... тут наружу и вылезло чудовище. – Она замолчала и отхлебнула кофе. – Робби включился в работу и стал тянуть одеяло на себя. Он уже не просто помогал мне с проектом, нет, это был уже наш проект, а потом Робби начал вести себя так, будто и вовсе его собственный. Когда мы встречались с родственниками убитых, Робби давал им свою визитку, говорил звонить ему и не стесняться. Тогда и началась эта дребедень с Монтегю. Он напечатал себе визитки: “Роберт Монтегю, документалистика, консультации в сфере искусства”.

На лице Гурни читался скепсис.

– То есть он пытался вас отеснить, украсть ваш проект?

– Все еще гаже. Внешность у Робби Миза божественная, но родился он в очень неблагополучной семье, где творилось всякое, и рос в основном в приемных семьях – тоже в том еще бардаке. В душе он дико не уверен в себе, самым жалким образом. Бывало, когда мы встречались с семьями убитых – договориться об интервью под запись, Робби просто из кожи вон

лез, чтобы произвести впечатление. Прямо что угодно сделает, лишь бы его оценили, лишь бы приняли. Лишь бы понравиться. Просто противно.

– И как ты реагировала?

– Сначала не знала, что и делать. Потом ситуация накалилась: я обнаружила, что Робби встречается без меня с одним из главных потенциальных участников, я очень хотела, чтобы он участвовал. Я высказала Робби свое недовольство, и все разлетелось к чертям. Тогда я вышвырнула его из квартиры, из моей квартиры. И попросила юриста, знакомого Конни, набросать устрашающее письмо, чтоб держался подальше от проекта. Это мой проект.

– И как он это воспринял?

– Сначала был очень мил, подлизывался. Я послала его в жопу. Тогда он стал накручивать, мол, возиться с нераскрытыми убийствами небезопасно, будь осторожнее, ты не понимаешь, во что ввязываешься. Звонил мне по ночам, наговаривал на автоответчик телеги: говорил, что хочет меня защитить, а люди, с которыми я общаюсь, – куча людей, включая моего научника, – не те, кем кажутся.

Гурни чуть выпрямился на стуле.

– И что потом?

– Потом? Я предупредила, что если он не отвяжется, то я устрою так, чтоб его арестовали за преследования.

– И что, подействовало?

– Ну, как сказать. Звонки прекратились. Но начали происходить странные вещи.

Мадлен отложила грязную посуду и подошла к столу:

– Это уже серьезно. Ты не против, я посижу с вами?

– Конечно, – сказала Ким.

Мадлен села, и Ким продолжила:

– Из кухни стали пропадать ножи. Однажды я возвращаюсь с занятий, а кошки в квартире нет. Потом уже слышу, где-то мяукает. Нашлась в одном из закрытых шкафов, причем в том, которым я вообще не пользуюсь. Как-то раз я проспала, потому что кто-то перевел мне будильник.

– Противно, но вполне безобидно, – заметил Гурни. Увидев укоризненное лицо Мадлен, он добавил: – Я вовсе не хочу умалять эмоционального дискомфорта, который причиняют такие гадкие шутки. Я просто задумался, что тут квалифицировать как преследование.

Ким кивнула.

– Да. Ну потом шуточки стали гаже. Как-то ночью я вернулась домой, а на полу в ванной пятно крови размером с монетку. И рядом один из пропавших ножей.

– Боже, – вздохнула Мадлен.

– А через несколько дней начались эти жуткие звуки. Я просыпалась среди ночи непонятно от чего. А потом слышался скрип, будто доска скрипит, потом тихо, потом будто кто-то дышит – и снова тихо.

Мадлен явно испугалась.

– Ты живешь в квартире? – спросил Гурни.

– Да, в маленьком доме: одна квартира на первом этаже, одна на втором и жилой цоколь. Около университета много таких домишек – дешевое жилье для студентов. Сейчас я живу в доме одна.

– Одна? – Мадлен вытаращила глаза. – Ты куда храбрее меня. Да я б оттуда...

Ким взглянула на нее рассерженно:

– Стану я сбегать от этого слизняка!

– Ты сообщала об этих инцидентах в полицию?

Ким невесело усмехнулась.

– Разумеется. Мол, кровь, ножи пропадают, звуки по ночам. Пришли копы, оглядели дом, проверили окна, скучно им было до смерти. Представляю, как они закатывают глаза, когда я им звоню и называю имя и адрес. Ясное дело, я для них параноик, заноза в заднице. Думают, что я ищу внимания. Что я психованная стерва: не поладила с парнем и раздула из этого проблему.

– Ну а замки ты наверняка уже меняла? – спокойно спросил Гурни.

– Дважды. Без толку.

– Значит, ты думаешь, эти... запугивания устраивает Робби Миз?

– Я не думаю. Я знаю!

– Почему ты так уверена?

– Вы бы слышали его голос – когда я его уже выгнала и он мне звонил. И видели бы, какое у него лицо, когда мы пересекаемся в универе. Вы б и сами все почувствовали. Во всем этом есть что-то одинаково странное. Не знаю даже, как объяснить. От всех этих случаев ощущение мерзкое. И Робби точно такой же мерзкий.

Повисло молчание. Ким сжала чашку в ладонях. Этот жест, подумал Гурни, похож на тот, когда она упиралась ладонями в стекло двери. Сильные чувства и контроль над собой.

Он подумал и о ее замысле, о ее взглядах на последствия убийства. В ее словах было много верного. Случалось, что рана, нанесенная убийцей, разрывала всю семью, отдаляла друг от друга вдову или вдовца, детей, родителей, переполняла их жизнь горем и яростью.

Впрочем, были и другие случаи, когда горя, и вообще эмоций, было немного. Гурни видел слишком много таких дел. Люди мерзко жили и мерзко умирали. Наркодилеры, сутенеры, уголовники-рецидивисты, малолетки из уличных банд, палившие друг в друга, как в компьютерных играх. Распад человеческого в них поражал. Иногда ему снился сон о концлагере – всегда один и тот же. Снилось, как бульдозер сваливает в канаву тощие тела. Как манекены. Как мусор.

Гурни глядел на эту темноглазую молодую женщину, такую цельную, пока она, склонившись над столом, сжимала полуостывшую кружку, а лицо ее почти полностью закрыли блестящие волосы.

Потом он вопросительно посмотрел на Мадлен.

Та слегка пожала плечами, чуть заметно улыбнулась. Казалось, поощряла к действию.

Он снова перевел взгляд на Ким.

– Хорошо. Вернемся к нашей теме. Чем я могу помочь?

Глава 4

Подобие гроба

Ким хотела, чтобы Гурни поехал вместе с ней в Сиракьюс, в ее квартиру. Там у нее хранились все материалы проекта, и Гурни мог бы посмотреть сразу все: ее переписку с потенциальными участниками передач, два записанных интервью, которые она приложила к заявке, планы будущих интервью, контракт с Руди Гетцем и РАМ-ТВ, общая концепция и незавершенная пилотная серия. Он бы все это посмотрел и смог бы оценить, что в проекте как надо, а что нет.

Поездка в Сиракьюс вызывала у Гурни столь же мало энтузиазма, сколько любое другое дело в последние месяцы, то есть нисколько. Но ему пришло в голову, что поехать – значит быстрее вернуть должок Конни Кларк. Он придет, посмотрит, выскажет мнение. Все чин чинком. “Огромная услуга” оказана. Можно обратно в берлогу.

Маршрут с гугл-карт, который Гурни распечатал на случай, если они с Ким потеряются, уверял, что от Уолнат-Кроссинга до ее дома ехать час сорок девять минут, но на обеих трассах по маршруту машин почти не было, а “миатка” впереди редко замедлялась хоть до какого-то подобия разрешенной скорости.

Будь Гурни в лучшем настроении, поездка бы ему понравилась: мимо проносились леса и луга, широкие бурные ручьи, черные свежевспаханные под яровые поля, силосные башни, как на картинках, амбары из красного кирпича. Но в нынешнем расположении духа все эти сельские красоты сливались в слякотный, грязный пейзаж – запущенная глухомань, где царит плохая погода.

Первый же взгляд на окрестности Сиракьюса усугубил его мрачные мысли. Он вспомнил, что этот город, как он читал, стоит на берегу озера Онондага – печально знаменитого как одно из грязнейших озер Америки. Тут же нахлынули детские воспоминания: он вырос в Бронксе, на берегу залива Истчестер, мутный фарватер которого вечно бороздили баржи и буксиры. Сам залив был промасленным отростком пролива Лонг-Айленд, и в нем не осталось ничего живого, кроме склизких водорослей и омерзительных коричневых крабов – чешуйчатых, несъедобных, ползучих первобытных тварей, от одной мысли о которых у Гурни до сих пор бежали мурашки по рукам.

Вслед за Ким он свернул с шоссе и оказался в районе поношенного вида с бестолковой планировкой. Он проехал мимо беспорядочной череды маленьких коттеджей, домов побольше, теперь разбитых на квартиры, круглосуточных магазинчиков, унылых промышленных зданий и пустырей, огороженных рабицей.

На углу у пиццерии “Королевская пицца Онондаги” “миата” свернула в переулок и остановилась перед двухэтажным домом на четыре квартиры. По обеим сторонам стояли такие же дома, разделенные узкими подъездными дорожками. Вместо газона перед домом был клочок голой земли размером не больше двойной могилы, и ни травы, ни цветов. Паркуясь позади Ким, Гурни смотрел, как она выходит из машины, запирает и перепроверяет дверцы. Она окинула взглядом дом и улочку – обеспокоенно, как показалось Гурни. Когда он подошел к ней, она нервно улыбнулась.

– Что-то не так?

– Да нет, вроде... все в порядке.

Она поднялась по ступенькам. Входная дверь была не заперта, но вела лишь в крохотный подъезд с двумя дверями. На правой двери висело два внушительных замка, она отперла каждый своим ключом. Прежде чем повернуть ручку, она подозрительно осмотрела ее и пару раз дернула.

Дверь вела в коридор. Ким пригласила Гурни в первую комнату справа – маленькую, обставленную икеевской мебелью, где было лишь самое необходимое: софа, журнальный столик, пара низких деревянных кресел с отдельными подушками, два минималистских торшера, книжный шкафчик, железная тумбочка с двумя ящиками, стол, служивший ей письменным, и стул с прямой спинкой. На полу – потертый ковер землистого цвета.

Гурни заинтересованно улыбнулся.

– А зачем ты дергала ручку?

– Пару раз она отрывалась, как только я за нее бралась.

– Ты хочешь сказать, ее кто-то специально откручивал?

– Вот именно, специально откручивал. Дважды. В первый раз полиция посмотрела, но ничего делать не стала – сочла, что это чей-то розыгрыш. Во второй раз даже не потрудились приехать. Копы на телефоне это, кажется, рассмешило.

– Не вижу ничего смешного.

– Спасибо.

– Я уже спрашивал, но...

– Да, уверена. Я уверена, что это Робби. И нет, доказательств у меня нет. Но кто еще мог это сделать?

Зазвенел дверной звонок – затейливым, мелодичным перезвоном.

– Боже. Это мамина затея. Она подарила, когда я переехала. Тут была обычная дребезжалка, Конни его ненавидела. Минутку. – Она пошла открывать.

Вскоре она вернулась с большой пиццей и двумя банками диетической колы.

– Вовремя привезли. Я заказала пиццу по телефону, пока мы ехали. Подумала, надо будет перекусить. Пицца вас устроит?

– Спасибо, вполне.

Она положила коробку на журнальный столик, открыла ее и пододвинула одно из кресел. Гурни сел на софу.

Когда они съели по куску и запили колой, Ким сказала:

– Ну вот. С чего начнем?

– Ты собираешься интервьюировать семьи убитых. Полагаю, первым делом ты как-то решила, какие убийства выбрать?

– Да, – она внимательно смотрела на него.

– В убийствах недостатка нет. Даже если бы ты ограничилась только штатом Нью-Йорк и только одним годом, выбирать пришлось бы из сотен дел.

– Да.

Он подался вперед.

– Ну так расскажи, как выбирала. По каким критериям?

– Критерии менялись. Сначала я хотела взять разные типы жертв, разные типы убийств, разные семьи, с разными расовыми и этническими корнями, дела разной давности. Показать весь спектр. Но доктор Уилсон все время говорил мне: “Проще! Проще!” Советовал сократить выборку, найти зацепку, чтобы зрителю было легче воспринимать. “Чем уже фокус, тем яснее мысль”. Раз десять я это от него слышала, и наконец до меня дошло. Все начало складываться, вставать на свои места. А потом: “Есть! Эврика! Вот про что я буду снимать!”

Странно, но ее энтузиазм тронул Гурни.

– Так каковы критерии отбора в итоге?

– Все как советовал доктор Уилсон. Я сокращала выборку, сужала фокус. Искала зацепку. Когда я стала думать в таком ключе, ответ возник сам собой. Я поняла, что могу сделать весь проект про жертв одного только Доброго Пастыря.

– Это который отстреливал водителей “мерседесов” лет восемь-девять тому назад?

– Десять. Ровно десять. Все убийства совершены весной двухтысячного года.

Гурни откинулся в кресле и задумчиво кивнул, вспоминая печально известную серию из шести убийств, после которой каждый второй на северо-востоке страны боялся ездить по ночам.

– Интересно. То есть природа преступления во всех шести случаях одна и та же: время совершения, убийца, мотив и степень внимания к расследованию – все один к одному.

– Именно! И во все случаях убийца не найден – дело не закрыто, рана не затянулась. Дело Доброго Пастыря – самый подходящий материал, чтобы посмотреть, как разные семьи через столько лет реагируют на одну и ту же беду, как переносят утрату, как переживают несправедливость, что с ними происходит, особенно с детьми. Разные последствия одной трагедии.

Она встала, подошла к тумбочке у стола. Достала блестящую голубую папку и протянула ее Гурни. На папке красовалась наклейка с крупной надписью: “осиротевшие. проект документального фильма ким коразон”.

Вероятно, он задержал взгляд на фамилии, и Ким спросила:

– А вы думали, моя фамилия Кларк?

Он мысленно вернулся в то время, когда Конни брала у него интервью для журнала “Нью-Йорк”.

– Кажется, я слышал только фамилию Кларк.

– Кларк – девичья фамилия Конни. После развода с моим отцом (я была маленькая), она снова ее взяла. А у него была – и есть – фамилия Коразон. И у меня тоже.

За тонким покровом констатации факта слышалась горечь. Не эта ли горечь, подумал Гурни, не дает ей называть Конни мамой?

Впрочем, у него не было ни малейшего желания в это углубляться. Он открыл папку и увидел довольно толстую стопку бумаги, листов пятьдесят. На титульном листе была та же надпись, что и на папке. На второй странице – содержание: концепция работы, обзор источников, подход и методология, критерии отбора информантов, “Дело Доброго Пастыря: жертвы и обстоятельства”, предполагаемые информанты, контакты, обстоятельства жизни, расшифровки пробных интервью, ДоНДП (приложение).

Он еще раз внимательно перечитал содержание.

– Ты это сама написала? Структуру проекта разработала ты?

– Да. Что-то не так?

– Вовсе нет.

– Тогда почему вы спрашиваете?

– Рассказывала ты утром очень эмоционально. А выстроено все очень логично.

Эмоциональностью она напомнила ему Мадлен, а логикой – его самого.

– Как будто я сам это написал.

Ким хитро прищурилась.

– Это комплимент, да?

Он рассмеялся: кажется, впервые за день, а то и за месяц. Затем помолчал и вновь вернулся к содержанию.

– Я так понимаю, ДП – это Добрый Пастырь. А что значит ДоН?

– Это заголовок того письма на двадцати страницах, которое он разослал в полицию и в прессу. Декларация о намерениях.

Гурни кивнул.

– Да, я вспомнил. Пресса окрестила это письмо “манифестом” – так же, как сочинение Унабомбера¹ за пять лет до того.

---

¹ Унабомбер – Теодор Джон Казински (р. 1942), рассылал по почте бомбы, от которых за 1978–1995 гг. погибли трое и пострадали 23 человека. В 1995 г. было опубликовано эссе Казинского “Индустриальное общество и его будущее”. В настоящее время отбывает пожизненное заключение. (Здесь и далее – прим. перев.)

Ким тоже кивнула:

– И здесь мы подходим к тому, что я и хотела у вас спросить: что вообще такое, эти серийные убийства? Тут легко запутаться. Ну вот есть, например, Унабомбер или Добрый Пастырь. И кажется, у них мало общего с Джеффри Дамером и Тедом Банди² или с теми чудовищами, которых вы сами арестовывали, как этот Питер Пиггерт или Дед-Людоед, рассылавший части тела своих жертв местным полицейским. Боже! В них же совсем ничего человеческого.

Она вся содрогнулась. Затем помассировала предплечья, словно пытаясь согреться.

Где-то в сером сиракьюсском небе рокотал вертолет: вначале приближаясь, затем отдаляясь, пока не затих вдалеке.

– Иные социологи на меня обиделись бы, – сказал Гурни, – но сам термин “серийный убийца”, как и многие ему подобные, весьма расплывчат. Мне иногда кажется, что все эти так называемые ученые – просто шайка любителей навешивать ярлыки и извлекать из этого прибыль. Проведут сомнительное исследование, свалят в одну кучу сходные случаи, обзовут “синдромом”, присовокупят название понаучпообразнее и читают лекции об этом, чтобы такие же недоумки затвердили эти ярлыки, сдали экзамен и влились в секту.

Тут Гурни заметил, что Ким смотрит на него с удивлением.

Почувствовав, что брюзжит и что виной тому, похоже, не столько состояние современной криминологии, сколько его собственное, он переменил тон:

– Если коротко, то с точки зрения мотива между каннибалом, взбесившимся от власти и вседозволенности, и идейным убийцей, жаждущим искоренить социальные пороки, общего мало. И все же больше, чем может показаться на первый взгляд.

Ким округлила глаза.

– Вы хотите сказать, оба убивают людей? И к этому все и сводится, какие бы внешние мотивы им ни приписывали?

Гурни поразили ее эмоциональность, ее порыв. Он улыбнулся.

– Унабомбер говорил, что хочет очистить мир от пагубного влияния новых технологий. Добрый Пастырь говорил, что хочет очистить мир от пагубных последствий алчности. Но, несмотря на всю логичность их манифестов, оба они выбрали контрпродуктивные средства для достижения своих целей. Убийством никогда не добьешься того, чего они хотели, – якобы хотели. Их поведение можно объяснить только одним.

Гурни почти что видел, как напряженно Ким думает.

– То есть средство и есть цель?

– Именно. Мы часто путаем средства и цель. Действия Унабомбера или Доброго Пастыря вполне понятны, если только предположить, что само убийство и было их целью, давало им эмоциональную отдачу. А так называемые манифесты – не более чем прикрытие.

Она поморгала, видимо, пытаясь сообразить, как это может помочь ей в работе.

– Но насколько это важно... для жертвы?

– Для жертвы это абсолютно неважно. Для жертвы мотив не имеет значения. Тем более, если убитый и убийца не были знакомы. Когда в тебя стреляют ночью из проезжающей машины, то пуля в голову – это пуля в голову, каков бы ни был мотив.

– А для семьи?..

– Для семьи... Ну...

Гурни прикрыл глаза, перебирая в памяти нерадостные разговоры. Сколько их было за эти годы. За десятки лет. Родители. Жены. Любимые. Дети. Застывшие лица. Невозможность поверить в то, что произошло. Судорожные расспросы. Крики. Стоны. Вой. Ярость. Прокля-

---

² Джеффри Дамер (1960–1994) и Тед Банди (1946–1989) – реальные серийные убийцы. Дамер убивал мужчин, Банди – женщин. Обоим была свойственна изощренная жестокость и, в частности, некрофилия: они насиловали трупы своих жертв. Дамер, помимо этого, был каннибалом.

тия. Угрозы. Кулаком в стену. Испитые глаза. Пустые глаза. Старики, плачущие как дети. Один мужчина покачнулся, как от удара. И хуже всего те, кто никак не реагировал. Замершие лица, неживые глаза. Непонимание, безмолвие, бесчувствие. Отвернуться, закурить.

– Ну... – повторил Гурни, – я всегда считал, что лучше знать правду. Думаю, если бы родственники жертвы чуть лучше понимали, почему с их любимым это произошло, им было бы полегче. Заметь, я не сказал, что знаю, почему Унабомбер или Добрый Пастырь делали то, что делали. Возможно, они и сами этого не знали. Мне ясно лишь, что истинная причина не та, которую они называли.

Ким пристально смотрела на него и уже собиралась задать следующий вопрос, когда сверху донесся глухой стук. Она напряглась, прислушалась.

– Что это, как вы думаете? – спросила она наконец, указывая на потолок.

– Не представляю. Может, горячая труба?

– Она способна издавать такие звуки?

Гурни пожал плечами.

– А по-твоему, что это? – Ким не ответила. – Кто живет наверху?

– Никто. По крайней мере, не должен никто жить. Прежних жильцов выселили, они вселились заново – какие-то барыги, – нагрянули копы и всех арестовали. Может, уже и выпустили, черт их знает. Городишко отстойный.

– То есть квартира наверху пустует?

– Да. Предположительно. – Она окинула взглядом журнальный столик, увидела начатую пиццу. – Боже, какая гадость. Может, ее разогреть?

– Я не буду. – Гурни хотел было сказать, что ему пора, но вдруг понял, что приехал совсем недавно. Это тоже был симптом последнего полугодия: чем дальше, тем сильнее ему хотелось сократить время общения с людьми.

Сжимая в руке бирюзовую папку, он заметил:

– Я не уверен, что смогу просмотреть все сейчас. Материал довольно объемный.

По лицу Ким облачком по ясному небу скользнуло легкое разочарование.

– Может, вечером? То есть вы можете взять папку с собой и посмотреть, как будет время.

Странное дело, ее ответ как-то зацепил Гурни, прямо-таки тронул. То же чувство он испытал чуть раньше, когда она рассказывала, как решила исследовать дело Доброго Пастыря. Теперь он понял, что это за чувство.

Его тронула всеобъемлющая увлеченность Ким, ее энергия, ее энтузиазм – цветущая, неколебимая молодость. И ведь она работает над проектом совсем одна. Одна, в этом подозрительном доме, без соседей, преследуемая злобным шизиком. Похоже, подумал Гурни, это сочетание решительности и уязвимости пробудило в нем давно забытые отцовские чувства.

– Да, я возьму папку и прочитаю вечером, – сказал он.

– Спасибо.

Вновь послышался пульсирующий рокот вертолета, стал громче, затих вдалеке. Ким нервно откашлялась, обхватила руками колени и заговорила с видимым усилием:

– Я хотела попросить вас еще об одной вещи. Не знаю, почему мне так трудно об этом говорить. – Она встряхнула головой, словно досадуя на свое смущение.

– О чем же?

Она слотнула.

– А можно вас нанять? Возможно, всего лишь на один день.

– Нанять? Для чего это?

– Я понимаю, это все глупости. Мне неловко вас беспокоить. Но для меня это правда важно.

– Так что надо сделать-то?

– Вы не могли бы завтра как бы... сопровождать меня? Делать ничего не нужно. Дело в том, что завтра у меня две встречи. Одна с потенциальным героем фильма, вторая с Руди Гетцем. Мне просто хотелось бы, чтобы вы там были – послушали, что я скажу, что они скажут, – и потом сразу поделились бы, что думаете, дали бы какой-нибудь совет, не знаю... Я несу чушь, да?

– Где назначены встречи? – спросил Гурни.

– Так вы согласны? Съездите со мной? Боже, спасибо вам, спасибо! Это не так уж далеко от вас. То есть не близко, но и не слишком далеко. Первая встреча – в Тёрнуэле, с Джимми Брюстером, сыном одного из убитых. А Руди Гетц живет в десяти милях оттуда, на вершине горы с видом на водохранилище Ашокан. С Брюстером мы встречаемся в десять, то есть мне надо будет заехать за вами в восемь тридцать. Вы согласны?

Гурни хотел было сказать, что поедет на своей машине, но передумал. По дороге можно обсудить вопросы, которые наверняка возникнут у него к завтрашнему утру. Прояснить, во что он ввязался.

– Отлично, – сказал он. – Конечно.

Он уже жалел, что согласился, даже на день, но чувствовал, что отказать не может.

– В смету проекта, которую мы утвердили с РАМ, включены услуги консультанта. Я смогу заплатить вам за день семьсот пятьдесят долларов. Надеюсь, этого достаточно.

Он чуть не ответил, что платить вовсе не нужно, что он согласился помочь не ради денег. Но ее серьезный и деловой настрой не оставлял сомнений: ей важно оплатить его услуги.

– Отлично, – вновь отозвался он. – Конечно.

Вскоре, после недолгого прерывистого разговора (о ее университетских делах, о проблеме наркомании в Сиракьюсе – увы, весьма типичной – и о печальной истории озера Онондага, некогда кристально чистого, а теперь зловонной сточной ямы), Гурни поднялся и повторил свое согласие ее сопровождать.

Ким проводила его до двери, крепко пожала руку и вновь поблагодарила. Спускаясь по обшарпанной лестнице, Гурни услышал, как за его спиной лязгнули два тяжелых замка. Он оглядел унылую улочку. Она казалась грязной и неопрятной – как предположил Гурни, из-за высохшего реагента, которым полили дорогу, чтобы растопить остатки снега. Пованивало чем-то едким.

Он сел в машину, завел мотор и забил в навигатор домашний адрес. Потребовалась минута-другая, чтобы поймать сигнал. Навигатор еще собирался с мыслями, когда дверь дома с лязгом распахнулась. Гурни оглянулся: Ким выбежала на улицу. На нижней ступеньке крыльца она оступилась и растянулась на асфальте. Гурни подбежал к ней: она уже вставала, опираясь на урну.

– Ты цела?

– Не знаю... лодыжка... – Она задыхалась и явно была напугана.

Он взял ее за руки повыше локтей, чтобы как-то поддержать.

– Что случилось?

– Кровь... в кухне...

– Что?

– Кровь. В кухне на полу.

– В квартире был кто-то еще?

– Нет. Не знаю. Я никого не видела.

– Сколько там крови?

– Не знаю. На полу накапано. Как след. Тянется в коридор. Но я не уверена.

– Значит, ты никого не видела и не слышала.

– Нет. Вроде нет.

– Хорошо. Все в порядке. Ты уже в безопасности.

Она заморгала. В глазах ее стояли слезы.

– Все хорошо, – мягко повторил он. – Все в порядке. Ты в безопасности.

Она вытерла слезы, пытаясь совладать с собой.

– Хорошо. Все в порядке.

Когда дыхание ее стало ровнее, Гурни сказал:

– Посиди пока у меня в машине. Можешь запереться. Я пойду осмотрю квартиру.

– Я с вами.

– Лучше посидеть в машине.

– Нет! – Она с мольбой взглянула на него. – Это же моя квартира. Я не дам себя выгнать из собственной квартиры!

По полицейским правилам гражданскому лицу запрещено возвращаться на место инцидента, пока оно не будет осмотрено, но Гурни больше не служил в полиции и мог пренебречь правилами. Оценив состояние Ким, он решил, что лучше и правда взять ее с собой, чем настаивать, чтобы она сидела в машине, запертой или нет.

– Ладно, – сказал он, вынув “беретту” из кобуры на ноге и спрятав ее в карман куртки, – пойдем посмотрим.

Гурни вернулся в дом, оставив обе двери открытыми. У входа в гостиную он остановился. Коридор продолжался еще футов двадцать и оканчивался аркой в кухню. Справа, между гостиной и кухней были две открытые двери.

– Там что?

– Первая дверь – спальня, вторая – ванная.

– Я загляну и туда, и туда. Если услышишь хоть какой-то шум или позовешь, а я не отзовусь тут же, выходи через переднюю дверь, запишись у меня в машине и звони девять один один. Поняла?

– Да.

Он двинулся по коридору и заглянул в первую комнату, затем вошел и зажег верхний свет. Ничего особенного. Кровать, столик, трюмо, пара складных кресел, раздолбанный платяной шкаф. Он заглянул в шкаф и под кровать. Потом вернулся в коридор, показал Ким большой палец: мол, все супер, – направился в ванную и там тоже все проверил.

Оставалась кухня.

– Где была кровь? – спросил он.

– У холодильника. А след тянется в коридор черного хода.

Он осторожно вошел в кухню, впервые за последние полгода радуясь своей привычке носить оружие. Кухня оказалась просторной. Справа, у окна, выходящего на проулок и соседний дом, – обеденный стол и два стула. В окно проникал дневной свет, но все равно было темно.

Напротив двери – кухонный стол с ящиками и холодильник. Перед холодильником – маленький разделочный столик, на нем – нож для мяса. Обойдя вокруг столика, Гурни увидел кровь: ряд темных капель на потертом линолеуме, каждая размером с десятицентовик, через два-три фута друг от друга. След вел от холодильника к задней двери и дальше.

Вдруг он услышал за спиной чье-то дыхание. Он резко обернулся, тут же пригнувшись и вытащив пистолет из кармана. Это была Ким: она замерла в двух шагах, как олень перед фарами, и смотрела в дуло тридцать второго калибра, приоткрыв рот.

– Боже, – Гурни перевел дыхание и опустил ствол.

– Простите. Я старалась не шуметь. Свет включить?

Он кивнул. Щелкнув выключателем над раковиной, Ким зажгла две длинные флюоресцентные лампы на потолке. В ярком свете капли на полу казались краснее.

– В коридоре есть свет?

– Выключатель справа от холодильника.

Темнота в коридоре сменилась шипящим, моргающим, холодным флюоресцентным светом полуиздохшей дешевой лампы. Гурни медленно пошел вперед, держа “беретту” дулом вниз.

Если не считать зеленого мусорного бака, небольшой коридор черного хода был совершенно пуст. Оканчивался он массивной дверью, ведущей на улицу и запертой на внушительный замок. Была в этом закутке и еще одна дверь – справа. Туда и вел кровавый след.

Гурни бросил быстрый взгляд на Ким.

– Что за этой дверью?

– Лестница. Лестница... в подвал. – В голосе ее вновь послышался страх.

– Когда ты последний раз туда спускалась?

– Спускалась... Господи, даже не знаю. Наверно... год назад, кажется. Вырубился автомат, пришел человек от хозяина и показал, как включить.

– Туда можно попасть как-нибудь еще?

– Нет.

– Окон нет?

– Есть маленькие вровень с землей, но на них решетки.

– Где выключатель?

– Прямо за дверью, кажется.

Перед дверью тоже было кровавое пятнышко. Гурни перешагнул через него. Затем вжался в стену, повернул ручку и рывком распахнул дверь. Смертельно затхлый, спертый воздух наполнил коридор. Гурни подождал, прислушался, затем заглянул вниз. В отсветах дрожащей лампы позади виднелись ступеньки. Он нащупал выключатель, и где-то внизу зажегся другой, желтоватый и тусклый свет.

Гурни велел Ким выключить лампу дневного света, чтобы не гудела.

Гул стих, и Гурни постоял с минуту, прислушиваясь. Тишина. Он взглянул на ступеньки. На каждой второй-третьей виднелось темное пятнышко.

– Что там? Что вы видите? – Голос Ким все заметнее дрожал, вот-вот готовый сорваться.

– Еще несколько капель, – ровным тоном ответил он. – Надо посмотреть поближе. Стой, где стоишь. Если услышишь что-нибудь – бегом на улицу, садись в мою машину...

– Ни за что! – перебила она. – Я пойду с вами!

У Гурни был дар сохранять спокойствие – тем большее, чем сильнее паника вокруг.

– Ладно. Только договоримся: ты держись минимум в трех шагах позади меня. – Он крепче сжал “беретту”. – Если придется действовать быстро, мне нужно будет место. Ясно?

Ким кивнула.

Гурни начал медленно спускаться по лестнице. Это была шаткая конструкция – вообще без перил. Спустившись, он увидел, что темный след идет по пыльному полу к невысокому продолговатому сундуку в дальнем углу. У одной стены стояла масляная печь и две большие цистерны. На другой стене висел щиток, а над ним, почти касаясь балок, тянулся ряд невысоких окошек. На каждом были решетки, едва различимые сквозь заляпанные стекла. Тусклый свет шел от одной-единственной голой лампочки, такой же грязной, как окна.

Гурни вновь посмотрел на сундук.

– У меня есть фонарик, – донесся с лестницы голос Ким. – Нужен?

Он обернулся к ней, она зажгла фонарик и протянула ему. “Мини-мэглайт”. Батарейки уже пора было менять, но все лучше, чем ничего.

– Что вы видите? – спросила она.

– Пока не пойму. Когда ты сюда спускалась в прошлый раз, ты видела у стены ящик или сундук?

– Боже, понятия не имею. Он мне показывал, что где, выключатели всякие, ну не знаю. Что там такое?

– Погоди, сейчас скажу, – с тяжелым предчувствием он направился к сундуку, туда, куда вел кровавый след.

С одной стороны, сундук оказался самый обычный, только очень старый. С другой стороны, из головы все не шли мелодраматические фантазии: размером он был точно с гроб.

– Гоподи, что там?

Ким остановилась всего в нескольких шагах позади. Говорила она слабым шепотом.

Гурни взял фонарик в зубы и направил на крышку ящика. Затем, сжимая “беретту” в правой руке, левой осторожно поднял крышку.

На мгновение ему показалось, что сундук пуст.

Затем в пятне желтого света от фонарика что-то блеснуло. Гурни увидел нож.

Небольшой ножик для чистки овощей. Даже в тусклом свете фонарика было видно, что лезвие заточено до невероятной остроты. На острие темнела капелька крови.

Глава 5

В терновую чашу

Несмотря на уговоры Гурни, Ким отказалась вызывать полицию.

– Говорю вам, вызывала уже. Больше не буду. Это бесполезно. И даже вредно. Придут, потопчутся у окон и дверей и сообщат, что не нашли признаков взлома. Затем спросят, не понес ли кто физического ущерба, не пропало ли что-нибудь ценное, не повреждено ли что-нибудь ценное. Если проблема не подпадает ни под один пункт, значит, проблемы нет. В прошлый раз я им звонила, когда обнаружила нож в ванной – они сразу же потеряли интерес, когда узнали, что нож мой. Хотя я им упорно твердила, что за две недели до того он пропал. Подтерли с пола каплю крови, взяли с собой, ни слова мне потом о ней не сказали. Чтобы на меня опять смотрели как на истеричку, которая только время отнимает? Да пошли они к черту! Знаете, что сделал полицейский в прошлый раз? Зевнул. Да, хотите верьте, хотите нет, зевнул мне прямо в лицо!

Гурни думал о том, что у любого заваленного работой городского копа непроизвольно запускается процессе фильтрации, как только новое дело попадает к нему на стол. Это зависит от многого: от того, что уже лежит у него на столе, какие дела “горят” в этот месяц, на этой неделе, в этот день. Ему вспомнился напарник, с которым они много лет назад работали в отделе расследования убийств полиции Нью-Йорка, – парень из тихого городка на западе Нью-Джерси, из глубинки. Однажды этот парень принес на работу номер местной газеты. На первой странице красовалась заметка о краже поилки для птиц с чьего-то заднего двора. В это же время в Нью-Йорке за неделю происходило штук по двадцать убийств, и большинство из них удостаивалось в прессе лишь пары строк. Так что все зависит от контекста. Хотя Гурни и не сказал этого вслух, он хорошо понимал, почему собственный нож Ким, найденный на полу ее же ванной, не потряс до глубины души копа, заваленного убийствами и изнасилованиями.

Но одновременно он понимал, насколько встревожена Ким. Более того, в действиях преследователя сквозило что-то зловещее, и было от чего встревожиться. Гурни сказал, что неплохо бы пока уехать из Сиракьюса, может быть, пожить немного у матери.

Его предложение возымело неожиданный эффект: страх Ким обратился в ярость.

– Сволочь! – прошипела она. – Плохо же он меня знает, если думает победить.

Гурни подождал, пока она успокоится, потом спросил, не припомнит ли она имена полицейских, которые отвечали на ее последний звонок.

– Говорю вам, больше я им звонить не буду.

– Я понял. Но я хотел бы поговорить с ними сам. Может быть, мне они скажут то, чего не сказали тебе.

– Что?

– Например, что-нибудь про Робби Миза? Мало ли? Поговорю, тогда и узнаю.

Ким пристально посмотрела на него своими темными глазами, поджала губы.

– Элвуд Гейтс и Джеймс Шифф. Гейтс низенький, Шифф высокий. Оба придурки.

Детектив Джеймс Шифф провел Гурни коридорами в свободный допросный кабинет. Дверь он не закрыл, сам не сел и посетителю не предложил. Зато прикрыл лицо руками и попробовал побороть зевоту – безуспешно.

– Что, долгий день?

– Не то слово. Восемнадцать часов отпахал, шесть осталось.

– Бумажная работа?

– Ага, да еще сколько. Видите ли, друг мой, наш участок самого неправильного размера. Достаточно большой, чтобы по уши повязнуть в бюрократическом дерьме, но слишком малень-

кий, так что нигде не спрячешься. Прошлой ночью мы устроили облаву на наркопритон – как ни странно, он оказался битком набит. Так что сейчас у меня полный обезьянник наркодилеров, еще один забит крэковыми шлюхами и гора показаний, которые надо обработать. Так что перейдем к делу. Чем полицию Нью-Йорка заинтересовала Ким Коразон?

– Простите, боюсь, по телефону я недостаточно ясно выразился. Я служил в полиции Нью-Йорка, но теперь в отставке. Уже два с половиной года.

– В отставке? Что-то я прослушал. Тогда кто вы? Частный сыщик?

– Скорее друг семьи. У Ким мать журналистка, много пишет про копов. Мы с ней пересекались на этой почве, пока я работал.

– Насколько хорошо вы знаете Ким?

– Не слишком хорошо. Я всего лишь взялся помочь ей с одним журналистским проектом, про нераскрытые убийства, но сегодня мы столкнулись с некоторыми неожиданностями.

– Послушайте, у меня мало времени. Нельзя ли поконкретней?

– Молодой леди досаждают преследователь, не слишком приятный тип.

– Так вот оно что?

– Вы не знали?

Шифф помрачнел.

– Я запутался. К чему этот разговор?

– Хороший вопрос. Вас не удивит, если я скажу, что прямо сейчас в квартире Ким Коразон есть признаки незаконного проникновения в помещение и следы вандализма – весьма своеобразного, явно имеющего целью уstrasшить жертву?

– Удивит? Да нет. Мы с мисс Коразон это сколько раз проходили.

– И что?

– Не пройдешь, одни канавы.

– Что-то не понимаю.

Шифф выковырял из уха кусочек серы и бросил на пол.

– Она говорила, кого считает виновным?

– Своего бывшего, Робби Миза.

– Вы говорили с Мизом?

– Нет. А вы?

– Я-то говорил. – Он снова посмотрел на телефон. – Слушайте, я могу уделить вам ровно три минуты. Из профессиональной солидарности. Кстати, у вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности?

Гурни показал ему профсоюзную карточку и водительские права.

– Ладно, мистер полиция Нью-Йорка, краткий отчет, не для протокола. В общем, рассказ Миза стоит рассказа Ким. Каждый уверяет, что бывший партнер – человек злобный, неадекватный и после разрыва повел себя по-свински. Она говорит, что он три или четыре раза проникал в ее квартиру. Ну и дальше всякая фигня – отвинтит там дверные ручки, сдвинет мебель, спрячет вещи, стащит ножи, вернет их на место...

– То есть положит нож на пол в ванной рядом с кровавым пятном, – перебил Гурни. – Помоему, это не называется “вернет нож на место”. Не понимаю, как вы можете игнорировать...

– Спокойно! Никто ничего не игнорирует. Поначалу всю эту хрень – дверные ручки и так далее – осматривали патрульные. Почему мы не прибежали сами, не проверяли на отвинченных ручках отпечатки пальцев? Мы ж не совсем еще спятили. У нас тут реальный город и реальные проблемы. Но процедура была соблюдена. У меня есть досье с отчетами. Следующую жалобу, про кровавые пятна, патруль передал нам. Мы с напарником пришли, посмотрели, образец крови – в лабораторию, нож – на проверку отпечатков, и так далее. Оказалось, что единственные пальчики на ноже принадлежат самой Коразон. А кровь бычья. Понимаете? Как в стейке.

– Вы допросили Миза?

– Разумеется, допросили.

– И что?

– Он ни в чем не сознался, и нет никаких свидетельств его участия. Толкает свою версию: мол, Коразон – мстительная сучка, хочет создать ему проблемы.

– И какая у вас сейчас рабочая версия? – недоверчиво спросил Гурни. – Что Ким сошла с ума и сама все это устраивает? Чтобы подставить бывшего бойфренда?

По взгляду Шиффа было понятно, что ему верится именно в это. Он пожал плечами.

– Или это дело рук кого-то еще, чьи мотивы нам пока неизвестны. – Он в третий раз взглянул на телефон. – Все, мне пора. Как летит время в хорошей компании.

И он направился к приоткрытой двери.

– А почему нет камер? – спросил Гурни.

– Что-что?

– Самым очевидным действием в случае неоднократного проникновения в дом и актов вандализма было бы установить скрытые камеры.

– Я действительно предлагал мисс Коразон это сделать. Она отказалась. Сказала, что не потерпит вторжения в свою частную жизнь.

– Странно, что она так отреагировала.

– Разве что все ее жалобы – брехня, и камера бы это доказала.

Они молча прошли через приемную, мимо дежурного, к главному входу. На пороге Шифф остановил Гурни.

– Вы, кажется, сказали, что обнаружили в ее квартире свежую улику, о которой мне следует знать?

– Именно это я и сказал.

– Так что же? Что вы нашли?

– Вы уверены, что хотите это знать?

Во взгляде Шиффа мелькнула злость.

– Да, хотел бы.

– На полу в кухне обнаружен кровавый след, ведущий к сундуку в подвале. В сундуке небольшой остро заточенный нож. Но, пожалуй, это мелочи, правда? Наверно, Ким опять выжала кровь из мяса и накапала на ступеньки. Наверно, это ее безумие и мстительность стремительно прогрессируют.

Обратная дорога была неприятной. В ушах у Гурни все звучала его саркастическая тирада в адрес Шиффа. И чем больше он прокручивал ее в голове, тем яснее понимал, насколько она вписывается в привычный сценарий: желание обороняться по любому поводу завладело после ранения его умом и поступками.

Он всегда был склонен противостоять официальной версии: у него был талант находить неувязки. Но в последнее время он все лучше осознавал, что движет им и что-то еще, куда менее объективное. Его склонность проверять на прочность логику каждого мнения, каждого вывода теперь была отравлена враждебностью – от упрямой сварливости до чуть ли не ярости. Он все больше отгораживался от мира, все больше защищался, все сильнее сопротивлялся любой чужой идее. И был уверен, что все это началось полгода назад, когда его чуть не убили три пули. Некогда объективность была его природным даром, теперь за нее приходилось бороться. Но борьба того стоила. Без объективности он – ничто.

Психотерапевт уже давно говорил ему: “Когда вы задеты, постарайтесь понять, какой страх за этим скрывается. В глубине всегда страх, и пока мы не взглянем ему в лицо, мы будем поступать неправильно”. Гурни заставил себя сделать шаг назад: спросил себя, чего же он боится. Этот вопрос занимал его всю дорогу домой. Наиболее честный ответ оказался и самым неудобным.

Он боялся, что ошибся.

Гурни припарковался рядом с машиной Мадлен у бокового входа. Горный воздух был полон прохлады. Войдя в дом, он повесил куртку в прихожей, прошел в кухню и крикнул:

– Я дома.

Ответа не последовало. Дом казался невыразимо омертвелым – пустым той особенной пустотой, которая наступала, лишь когда уходила Мадлен.

Он собрался уже идти в ванную, однако вспомнил, что забыл в машине голубую папку Ким. Он пошел за папкой, но не успел подойти к машине, когда в глаза ему бросилось что-то ярко-красное справа. Пятно алело посреди клумбы, где Мадлен в прошлом году сажала цветы, и в первый миг Гурни показалось, что это бутон на прямом стебле. Но ему тут же подумалось, что для бутонов еще не время. Впрочем, когда он подошел поближе и пригляделся, открытие обескуражило его не меньше, чем если бы это была роза в цвету.

Стебель оказался древком стрелы. Наконечник был воткнут в мягкую сырую землю, а за бутон Гурни принял оперение на зазубренном хвосте – три половинки пера, полыхавшие алым в косых лучах вечернего солнца.

Гурни в недоумении уставился на стрелу. Это Мадлен ее сюда воткнула? Тогда где она ее взяла? Это какая-то метка? Перья казались новыми, непотрепанными, под снегом они явно не зимовали. А если не Мадлен воткнула стрелу, то кто? Может ли быть такое, что ее вообще не втыкали, а действительно пустили из лука? Но чтобы вот так попасть в землю, почти что под прямым углом, стрелять надо было вертикально вверх. Когда? Зачем? Кто? Откуда?

Гурни ступил на невысокую клумбу, ухватил стрелу у земли и не спеша вытащил. Он обнаружил острый четырехгранный наконечник – такой стрелой хороший охотник с мощным луком продырявил бы оленя. Рассматривая смертоносный снаряд, Гурни думал о немыслимом совпадении: в один день найти два образца холодного оружия, и оба – повод для недоумения и тревоги.

Возможно, конечно, Мадлен все легко объяснит. Он отнес стрелу на кухню и тщательно вымыл под краном в раковине. Наконечник оказался из углеродистой стали и острый – хоть брейся. Тут Гурни вновь вспомнил о ноже в подвале у Ким, а следом и о том, что забыл в машине ее папку. Он аккуратно положил стрелу на сосновый буфет и пошел обратно, через небольшой коридор и прихожую.

Открывая боковую дверь, он столкнулся с Мадлен, одетую во все цвета радуги: розовые спортивные штаны, сиреневая флиски и оранжевая бейсболка. Вид у нее был усталый, но довольный, она слегка запыхалась, как после прогулки по холмам. Гурни посторонился и пропустил жену.

Она улыбнулась.

– Така-а-я красота! Видел, какой удивительный свет на склоне? И почки розовеют.

– Какие почки?

– Ты не видел? Пошли скорей.

Она взяла его за руку и потащила на улицу, радостно показывая на деревья за дальним пастбищем.

– Это такое чудо ранней весной – эта розоватость на кленах.

Гурни понимал, о чем речь, но не готов был разделить счастье Мадлен. Налет краски на серо-буром склоне пробудил в нем давнее воспоминание, от которого его замутило: серо-бурая вода в канаве у заброшенной подсобной дороги за аэропортом Ла Гуардия, зловонная муть чуть подкрашена красным. Виной тому было изрешеченное тело в мелкой воде.

Мадлен обеспокоенно взглянула на него.

– Все в порядке?

– Просто устал.

– Кофе хочешь?

– Нет, – прямо-таки отрезал он, сам не зная почему.

– Пошли в дом, – сказала Мадлен, сняла флиску и кепку и повесила их в прихожей. Гурни прошел за ней на кухню. Жена подошла к раковине и повернула кран.

– Как ты съездил в Сиракьюс?

Гурни снова вспомнил, что эта чертова папка все еще в машине.

– Я тебя не слышу, вода шумит, – сказал он.

Так значит... что? Он три раза забыл про папку? Три раза за десять минут? Боже.

Мадлен наполнила стакан и выключила воду.

– Я говорю, как съездил в Сиракьюс?

Он вздохнул.

– Странно съездил. Довольно унылый город. Погоди. Я на минуту, потом расскажу.

На этот раз он дошел до машины и принес-таки папку.

Мадлен была озадачена.

– А я слышала, там очень милые старые райончики. Может, не с той стороны, где ты был?

– И да, и нет. Милые старые райончики попеременно с ужасными.

Она посмотрела на папку у него в руке.

– Это проект Ким?

– Что? А, да.

Он огляделся, думая, куда бы положить папку, – и увидел стрелу, которую оставил на буфете.

– Ты про это вот что-нибудь знаешь?

– Что? – Она подошла поближе и внимательно посмотрела на стрелу, но не коснулась ее. – Это та штука, которую я видела на улице?

– Когда ты ее видела?

– Не знаю. Когда уходила гулять. Может, с час назад.

– И ты не знаешь, откуда она взялась?

– Знаю только, что она торчала в клумбе. Думала, это ты ее туда воткнул.

Повисло долгое молчание. Гурни уставился на стрелу, Мадлен уставилась на Гурни.

– Думаешь, здесь кто-то охотится? – спросила она, прищурившись.

– Для охоты сейчас не сезон.

– Может, кто-то выпил и решил, что сезон.

– Как мило.

Мадлен снова взглянула на стрелу и пожала плечами.

– Ты какой-то замученный. Давай-ка посидим, – она указала на стол у французских дверей. – Расскажи мне, как прошел день.

Он рассказал обо всем, упомянул, что Ким попросила ее сопровождать, и посмотрел на Мадлен – как она отреагирует. Но она не стала ничего комментировать и просто сменила тему.

– У меня тоже был тяжелый денек.

Она облокотилась на стол, упершись большими пальцами в подбородок и прижав ладони к щекам. Затем закрыла глаза и надолго – казалось, очень надолго – замолчала. Наконец она открыла глаза, выпрямилась и положила руки на колени.

– Помнишь, я тебе говорила про математика?

– Смутно.

– Ну профессор математики, который лечился у нас в клинике?

– А. Да.

– Его к нам направили, когда во второй раз поймали пьяным за рулем. Неприятности на работе, в результате – вообще никакой работы, отвратительный развод, запрет видеться с детьми, с соседями не ладил. Пессимизм, мрак, бессонница, в любой ситуации видел только

плохое. Блестящий ум, но его засосало болото депрессии. Ходил на три групповых сеанса в неделю плюс один индивидуальный. Обычно он любил поговорить. Вернее, любил пожаловаться, обвинить всех знакомых во всех бедах. Но делать не хотел ничего. Даже выходить из дома, но тут уж суд его обязал. Антидепрессанты не принимал – это значило бы признать, что в его бедах отчасти виноваты биохимические процессы в мозге. В чем-то даже забавно. Он все хотел делать только по-своему, то есть вообще ничего не делать.

Мадлен невесело улыбнулась и посмотрела в окно.

– Что случилось?

– Он застрелился прошлой ночью.

Они надолго замолчали и какое-то время смотрели вдаль поверх холмов, слегка повернувшись друг к другу за столом. Гурни охватило странное чувство, будто он освободился от времени и пространства.

– Что ж, – наконец сказала Мадлен, вновь поворачиваясь к нему, – значит, юная леди пожелала тебя нанять. И все, что нужно сделать, – это сходить с ней на пару встреч и сказать потом, как она держалась?

– По ее словам, да.

– А ты гадаешь, не кроется ли тут что-то еще?

– Судя по сегодняшним событиям, можно наткнуться на подводные камни.

Мадлен одарила Гурни долгим, внимательным взглядом, приникающим в самую душу. Затем с видимым усилием изобразила милую улыбку.

– Раз за дело взялся ты, то недолго им оставаться под водой.

Глава 6

Подводные камни

Когда стемнело, они устроили тихий ужин: бататовый суп и салат из шпината. Потом Мадлен затопила старую дровяную печку в дальнем углу комнаты и устроилась в любимом кресле с “Войной и миром”, которую мучила уже год, откладывая и принимаясь снова.

Гурни заметил, что она не надела очки и книгу так и не открыла. Он чувствовал, что должен что-то сказать.

– Когда ты узнала о...

– О самоубийстве? Сегодня утром.

– Тебе позвонили?

– Директриса позвонила. Сказала, хочет собрать всех, кто был с ним связан. Якобы обменяться сведениями и вместе пережить шок. Чувшь, конечно. Лишь бы прикрыть свою задницу или спасти положение – называй как хочешь.

– И долго длилась встреча?

– Не знаю. Какая разница?

Он не ответил, потому что ответить ему было совсем нечего, непонятно зачем и спрашивал. Она открыла книгу – явно наугад – и уставилась на буквы.

Через пару минут Гурни взял с буфета папку Ким и положил на стол. Он пролистал не глядя разделы “Концепция работы” и “Синописис”, бегло просмотрел “Подход и методологию”, остановившись лишь на той фразе, которую Ким выделила подчеркиванием: “Цель интервью – изучить долгосрочные последствия убийства и провести тщательный анализ всех изменений, затронувших членов семьи жертвы”.

Он пробежал глазами еще несколько разделов и остановился на том, который был озаглавлен “Информанты: общие сведения и готовность к сотрудничеству”. Раздел содержал шесть частей – по числу убийств, совершенных Добрым Пастырем. Это была таблица из трех колонок: жертва; родственники, доступные для связи; отношение к участию в проекте.

Гурни пробежал глазами список жертв: Бруно и Кармелла Меллани, Карл Роткер, Иэн Стерн, Шэрон Стоун, доктор Джеймс Брюстер, Гарольд Блум. После Кармеллы Меллани стояла сноска: “Вследствие нападения перенесла серьезную черепно-мозговую травму, с тех пор пребывает в вегетативной коме”.

Он бегло просмотрел вторую колонку с развернутым списком родственников, включающим их характеристику и сведения о месте проживания, обстоятельствах жизни и возрасте. Затем бросил взгляд на третью колонку: отношение к участию в проекте.

Вдова Гарольда Блума, как следовало из описания, была “настроена на совместную работу, благодарна за проявленный к ней интерес”. “Очень эмоциональна, при разговоре об убийстве до сих пор плачет”.

Сын доктора Брюстера был описан следующим образом: “Испытывает ненависть к памяти отца, открыто симпатизирует идеологии ДП и его стремлению покарать богачей”.

О сыне Иэна Стерна, директоре стоматологической фирмы, сообщалось: “Сдержан, от участия отказывается, обеспокоен негативными эмоциональными последствиями передач, не доверяет РАМ-ТВ; в том, как они освещали убийства, усматривает нездоровую любовь к сенсациям”.

Сын брокера по недвижимости Шэрон Стоун “с энтузиазмом отнесся к проекту, вдохновенно рассказывал о своей матери, о том, каким ужасом стала для него ее смерть, как это убийство опустошило его жизнь, какая чудовищная несправедливость, что убийца до сих пор не найден”.

Были в списке и родственники других убитых, и другие описания, а также расшифровка двух интервью – с Джими Брюстером и Рут Блум – и двадцатистраничная “Декларация о намерениях” Доброго Пастыря. Гурни собирался уже закрыть папку и вдруг заметил последнюю станицу, которая не значилась в оглавлении. На странице красовался заголовок: “Контакты для сбора дополнительной информации”.

Список состоял из трех имен, около каждого были указаны телефон и адрес электронной почты: специальный агент ФБР Мэттью Траут, Макс Клинтер, старший следователь (в отставке) полиции штата Нью-Йорк, и другой старший следователь полиции штата Нью-Йорк Джек Хардвик.

Гурни удивленно уставился на последнее имя. Джек Хардвик был крайне умен и крайне неприятен в общении, и с Гурни его связывали неоднозначные отношения: им приходилось встречаться при странных и запутанных обстоятельствах.

Гурни пошел звонить Ким. Он решил поговорить с Хардвиком, но прежде хотел выяснить, почему Ким внесла его в список консультантов.

Она сразу же взяла трубку.

– Дэйв?

– Да.

– Я как раз собиралась вам звонить. – В голосе ее слышалось скорее напряжение, чем удовлетворение. – После вашего разговора с Шиффом дело сдвинулось с метровой точки.

– Как именно?

– Он пришел ко мне в квартиру – как я понимаю, после вашего разговора. Пожелал осмотреть все, о чем вы рассказывали. Прямо-таки взбесился, что я вымыла пол на кухне – плохо, да? Но откуда же мне было знать, что он явится? Сказал, вечером придет полицейский и осмотрит подвал. Похоже, к лучшему, что я побоялась туда спускаться и не стала мыть лестницу. Боже, дрожь берет, как вспомню! И он настаивает, что надо развесить везде эти мерзкие камеры, пусть шпионят.

– Правда, что он уже предлагал установить камеры, а ты отказалась?

– Это он вам сказал?

– Еще он сказал, что в лаборатории сделали анализ крови, которую ты обнаружила в ванной.

– И?

– По твоим рассказам у меня сложилось впечатление, что он ничего не делал.

Она ответила не сразу.

– Не о том речь, что он там делал или не делал. Речь о его отношении. Вот это был отстой. Запредельное равнодушие.

Ответ этот не рассеял сомнений Гурни, однако он решил промолчать, по крайней мере пока.

– Ким, я вот смотрю на список дополнительных контактов на последней странице – в частности, там значится детектив по фамилии Хардвик. Как он связан с твоим проектом?

– Вы его знаете? – голос ее звучал настороженно.

– Да, знаю.

– Ну... несколько месяцев назад, когда я начала исследовать дело Доброго Пастыря, я посмотрела, кто из органов упоминался в печати в этой связи. Одно из первых убийств произошло на территории, подведомственной Хардвику, и он какое-то время был одним из следователей.

– Какое-то время?

– Недели, кажется, через три, картина изменилась: одно из убийств произошло за пределами штата, в Массачусетсе. Тогда в дело вступило ФБР.

– Специальный агент Мэттью Траут?

– Он самый. Кретин с командирскими замашками.

– Ты с ним говорила?

– Он сказал, чтоб я шла домой и читала пресс-релизы ФБР, потом велел изложить свои вопросы в письменной форме, в итоге все равно отказался отвечать. Если это можно назвать разговором, то да, говорили. Бюрократ хренов!

Гурни улыбнулся про себя. Добро пожаловать в ФБР.

– Но Хардвик охотно с тобой разговаривал?

– Не слишком, пока не узнал, что Траут пытается контролировать каналы новых сведений. Кажется, он был рад ему досадить любым возможным способом.

– Ну, это Джек. Когда-то он говорил, что ФБР означает Федерация болванов-расследователей.

– Он и сейчас так говорит.

– Но если Траут ничего тебе не сказал, почему ты внесла его в список?

– Больше для РАМ-ТВ. Со мной Траут, может, и не станет говорить, но есть еще Руди Гетц. Вы бы только знали, кто отвечает на его звонки. И как быстро.

– Интересно. А что третий, Макс Клинтер?

– Макс Клинтер? Хм. С чего бы начать. Вы что-нибудь про него знаете?

– Имя слышал, не более.

– Клинтер – детектив в отставке и оказался замешан в последнем нападении Доброго Пастыря.

В памяти всплыли обрывки газетных статей.

– Это не он ехал в машине со студенткой гуманитарного факультета?.. Пьяный в стельку... палил в окно из пистолета... задел мотоциклиста... его еще обвинили в том, что Добрый Пастырь ушел?

– Да.

– И он – твой источник?

Ким стала оправдываться:

– Я беру всех и вся, кого могу найти. Трудность в том, что каждый, кто имел отношение к этому делу, отсылает меня к Трауту, а это просто черная дыра.

– И какие сведения ты почерпнула от Клинтера?

– Сложно сказать. Он странный человек. Себе на уме. Мне кажется, я далеко не все понимаю. Может, поговорим об этом завтра по дороге? Я не знала, что уже так поздно, нужно еще принять душ.

Гурни ей не поверил, но возражать не стал. Ему не терпелось поговорить с Джеком Хардвиком.

Телефон не отвечал, и он оставил голосовое сообщение.

Быстро темнело. Он не стал зажигать свет в кабинете и прошел с папкой Ким на кухню. Мадлен все еще сидела в кресле у теплящегося огня. “Война и мир” лежала уже не на коленях, а на журнальном столике. Мадлен вязала.

– Ну как, выяснил, откуда эта стрела? – спросила она, не поднимая глаз.

Он посмотрел на буфет, на черное матовое древко и красное оперение – и его едва не замутило.

Тошнота была предвестником воспоминания: в памяти всплыл эпизод из детства. Он жил в Бронксе, ему было тринадцать. Уже стемнело. Отец задерживался то ли на работе, то ли в кабаке. Мама ушла на Манхэттен на урок по бальным танцам – это была ее новая страсть, сменившая рисование пальцами. Бабушка сидела у себя в спальне, перебирая четки. А он был в маминой спальне – именно маминой, отец к тому моменту спал на диване в гостиной, а вещи хранил в шкафу в коридоре.

Он тогда открыл одно из двух окон. В щель проник морозный воздух, запахло снегом. У него был деревянный лук – настоящий, не игрушка. Он купил его на карманные деньги, которые откладывал два года. Одно время мечтал, как поедет на охоту в лес, подальше от Бронкса. Он стоял у распахнутого окна, его овеял холодный воздух. Его охватило непонятное волнение, он приложил к тетиве красноперую стрелу, поднял лук повыше, к темному небу за окном шестого этажа, натянул тетиву и выстрелил в ночь. Потом, внезапно оцепенев от страха, стал вслушиваться, куда она попадет: ударит в невысокую крышу соседнего дома, лязгнет о машину внизу или упадет на тротуар. Но ничего не услышал. Вообще ничего.

Эта неожиданная тишина пугала.

Он вдруг представил, как бесшумно, должно быть, входит стрела в человеческое тело.

Всю ночь он гадал, что могло случиться. То, что могло случиться, пугало его до смерти. Но непереносимей – и неотступней – всего был вопрос, мучивший его и теперь, спустя тридцать пять лет, вопрос без ответа: зачем? Зачем он это сделал? Что такое им овладело, почему он решился на этот безрассудный поступок, не суливший никакой понятной выгоды, полный бессмысленной опасности?

Гурни снова взглянул на буфет. Его поразило это странное сходство двух загадок: тогда он пустил стрелу из маминого окна, неизвестно почему и неизвестно куда, теперь стрелу пустили в сад его жены, неизвестно почему и неизвестно откуда. Он помотал головой, словно разгоняя туман в душе. Пора заняться другими делами.

Тут весьма кстати зазвонил мобильный. Это была Конни Кларк.

– Я хотела добавить еще одну вещь – утром не сказала.

– Э-э?

– Я не то чтобы специально. Это непонятная вещь: то кажется, что она имеет отношение к делу, а то вроде и нет.

– Да?

– Скорее это все-таки совпадение. Добрый Пастырь совершил все свои убийства десять лет назад, ведь так? И как раз в это время пропал отец Ким. Мы уже два года как были разведены, и он иногда упоминал, что хочет поехать в кругосветное путешествие. Я не верила, что он и правда поедет, – хотя он бывал невероятно импульсивным и безответственным, потому я с ним и развелась, – а в один прекрасный день он оставил на автоответчике сообщение, мол, час настал, теперь или никогда, я уезжаю. Совершенно по-идиотски. Но это правда. Уехал в первых числах марта, десять лет назад. С тех пор ни строчки от него не получили. Представляете? Тупая, бессердечная скотина! Для Ким это был удар. Еще больший, чем наш развод за два года до этого. Невероятный удар.

– Тебе кажется, это совпадение что-то значит?

– Нет-нет, я не думаю, что эти убийства и исчезновение Эмилио как-то связаны. Разве это возможно? Просто и то и другое произошло в марте двухтысячного года. Быть может, поэтому Ким так волнуется горе этих семей: в то время она сама лишилась отца.

Теперь Гурни понял.

– И в обоих случаях так ничего и не...

– Именно. Убийства, совершенные Добрым Пастырем, так и не были раскрыты, потому что самого его так и не нашли. А Ким так и не смогла принять исчезновение отца, потому что до сих пор не знает, что с ним произошло. Когда она говорит о семьях убитых, об их нескончаемой боли, я думаю, она говорит о себе.

Положив трубку, Гурни еще долго сидел за столом и размышлял, как исчезновение Эмилио Коразона могло отразиться на жизни Ким.

Мало-помалу он отошел от своих раздумий и услышал, как постукивают спицы Мадлен – тихонько, мерно. Она сидела в круге желтого света лампы, моток пряжи шалфейного цвета лежал в кресле рядом с ней, обретающий форму свитер того же цвета – у нее на коленях.

Гурни снова открыл голубую папку – написанную Добрым Пастырем Декларацию о намерениях. На странице с примечаниями кто-то – вероятно, сама Ким – отметил, что декларация была послана экспресс-почтой в конверте 9 на 12, на котором значилось: “Полиция штата Нью-Йорк, начальнику отдела уголовных расследований”. Дата доставки: 25 марта 2000 года – это была среда, а в выходные перед тем были совершены первые два убийства.

Гурни перевернул страницу и стал читать текст декларации. Вступления не было, автор сразу перешел к делу:

1. Если корень всех зол – любовь к деньгам, именуемая алчностью, то величайшее благо – алчность искоренить. 2. Поскольку алчность существует не как самостоятельное явление, а в душе человека, то искоренить ее можно только вместе с этим человеком. 3. Пастырь добрый очищает свое стадо, удаляя больных овец из среды здоровых, ибо доброе дело – не дать заразе умножиться. Доброе дело – защитить хороших животных от плохих. 4. Терпение – добродетель, но тот, кто нетерпим к алчности, не грешит. Если поднимешь руку на волка, сжирающего детей, – нет в этом греха. 5. Мы объявляем войну сосудам алчности и их тщеславию, карманникам, именующим себя банкирами, вшам на лимузинах и тле на “мерседесах”. 6. Мы очистим землю от поразившей ее заразы, одного за другим уничтожая переносчиков алчности, да сгинут молчание и бездействие и да затрещат черепа – покуда не очистится земля, да затрещат черепа – покуда не исцелится стадо, да затрещат черепа – покуда не сокрушится корень зла и не удален будет от земли.

Эти тезисы повторялись на разные лады еще на девятнадцати страницах, то академически сухо, то пророчески страстно. В качестве рационального довода приводились обширные сведения о распределении доходов, призванные наглядно продемонстрировать несправедливость американской экономической системы вкупе с анализом современных тенденций, согласно которому США все больше походили на страны третьего мира с их экономикой крайностей: на вершине пирамиды – прослойка несусветно богатых, внизу растет слой бедных, а средний класс исчезает.

Автор декларации заключал:

Корень этой вопиющей, все возрастающей несправедливости – алчность власть имущих и владычество алчных. Тем более, что этот подлый и ненасытный класс контролирует СМИ – главный инструмент общественного влияния – и контролирует почти всецело. Каналы общения (которые в свободном обществе должны содействовать изменениям) присвоили, возглавили и заразили своим влиянием гигантские корпорации и отдельные миллиардеры, движимые смертельно опасной алчностью. Вот сколь отчаянно наше положение, вот почему неизбежен наш выбор и на чем основаны наша решимость и наши действия.

Внизу стояла подпись: “Добрый Пастырь”.

На отдельном листке, скрепкой прикрепленном к последней странице, автор указал точное время и место двух уже совершенных убийств.

Поскольку эти факты еще не были к тому времени освещены в новостях, они подтверждали, что автор документа и есть убийца. В постскриптуме сообщалось, что полные копии документа посланы одновременно в целый ряд национальных и местных СМИ.

Гурни перечитал декларацию. Полчаса спустя, откладывая папку, он уже понимал, почему дело Доброго Пастыря обрело в криминологии эталонный статус и в качестве образцового “убийства ради общественной миссии” затмило дело Унабомбера.

Декларация была куда яснее и однозначнее, чем манифест Унабомбера. Логическая связь между заявленной проблемой и ее решением – убийством – прослеживалась куда четче, чем в деле Теда Казинского: когда тот рассылал свои посылки с бомбами, непонятно, насколько важен для него был выбор жертвы.

Добрый Пастырь емко изложил свою концепцию уже в первых двух пунктах декларации: “1. Если корень всех зол – любовь к деньгам, именуемая алчностью, то величайшее благо – алчность искоренить. 2. Поскольку алчность существует не как самостоятельное явление, а в душе человека, то искоренить ее можно только вместе с этим человеком”.

Что может быть яснее?

И понятно, почему эти убийства так всем запомнились. В них было много захватывающего и театрального: простой мотив, ограниченное время действия, напряженность сюжета, пробирающий до костей ужас, эпатирующий вызов, брошенный богатству и власти, понятный список жертв, моментами – леденящие кровь столкновения. Про такое слагают легенды. В памяти людей эти убийства обрели свое законное место. Даже два законных места. Те, кого испугало нападение на богатых, увидели в Добром Пастыре революционера-террориста, подрывающего основы величайшей в истории страны. Для тех же, кто богатых презирал, он оказался героем-идеалистом, эдаким Робин Гудом, борцом с величайшей несправедливостью этого несправедливого мира.

Понятно, почему впоследствии это дело стало излюбленным примером преподавателей психологии и криминологии. Профессора охотно о нем вспоминали, когда хотели поговорить об определенном типе убийцы, ведь тут – редчайшая удача для гуманитарных наук – выводы были однозначны. Студенты же с удовольствием их слушали: эта незатейливая история увлекла своим ужасом. Даже тот факт, что убийца скрылся в ночи, был ученым на руку: нераскрытое дело оставалось актуальным и заманчиво щекотало нервы.

Гурни отложил папку, размышляя о неизбывной притягательности этой истории. Он испытывал смешанные чувства.

– Что-то не так?

Он поднял глаза. Мадлен смотрела на него с другого конца кухни, отложив спицы.

Он покачал головой.

– Наверно дурью маюсь, как обычно.

Мадлен не отводила взгляда. Он знал, что этот ответ ее не устраивает.

– Весь проект Ким – про дело Доброго Пастыря.

Мадлен нахмурилась.

– Его ж заездили до смерти. Когда происходили эти убийства, по телевизору только о них и говорили.

– У Ким свой подход. Тогда всех интересовал манифест, думали, как бы найти убийцу, строили гипотезы о его прошлом и воспитании, о том, где он прячется, обсуждали насилие в Америке, недостатки законов об обороте оружия, бла-бла-бла. А Ким все это не волнует. Ей важен тот урон, который понесли родственники убитых – то, как изменилась их жизнь.

Мадлен слушала с интересом, потом вновь нахмурилась.

– Так что не так?

– Да сам не пойму. Может, дело во мне. Говорю же, что-то я не в настроении.

Глава 7

Капитан Ахав

Следующее утро выдалось хмурым и холодным, как часто бывает весной в Катскильских горах, и за стеклом французских дверей падали редкие снежинки.

В 8:00 позвонила Ким Коразон: план изменился. Вчера предполагалось, что они утром встретятся в Тёрнуэле с Джими Брюстером, а потом поедут на Ашокан на ланч с Руди Гетцем; теперь же утренняя встреча отменялась, а днем они ехали к Ларри Стерну в Стоун-Ридж, к югу от Ашоканского водохранилища, минутах в двадцати езды. Ланч с Гетцем был в силе.

– Для изменений есть особые причины? – спросил Гурни.

– Вроде того. Когда я составляла план, я еще не знала, что вы поедете со мной. Ларри куда несговорчивей, чем Джими, я подумала, лучше бы вы пошли на встречу с ним. Джими левых взглядов и очень активен. Он-то не откажется участвовать – ему дай только возможность поругать общество потребления. А с Ларри все непросто. Он, похоже, разочаровался во всех СМИ – из-за того, какую нездоровую шумиху они устроили много лет назад после смерти его подруги.

– Но ты понимаешь, что я не буду помогать тебе с раскруткой проекта?

– Конечно же, нет! Все что мне нужно – чтобы вы послушали, посмотрели, высказали свое мнение. В общем, я за вами заеду не в восемь тридцать, а в одиннадцать тридцать. Хорошо?

– Хорошо, – ответил Гурни без особого энтузиазма.

Никаких возражений у него, в сущности, не было, но мелькнуло чувство, что что-то идет не так.

Засовывая телефон в карман, он вдруг вспомнил, что Джек Хардвик ему не перезвонил. Он набрал номер.

Уже после первого гудка ему ответил скрипучий голос:

– Терпение, Гурни, терпение. Я как раз собирался позвонить.

– Привет, Джек.

– Эй ты, спец, рука у меня только зажила. Хочешь, чтоб меня снова подстрелили?

Он имел в виду то, что произошло полгода назад: развязку дела Перри. Одна из трех пуль, ранивших Гурни, прошла его бок и попала Хардвику в руку.

– Привет, Джек.

– Привет от сучьих штиблет.

Стандартная формула приветствия старшего следователя полиции штата Нью-Йорк Джека Хардвика. Этот задира с бледно-голубыми глазами маламута, острым, как бритва, умом и мрачным юмором как будто нарочно устраивал при каждом разговоре серьезное испытание собеседнику.

– Я звоню по поводу Ким Коразон.

– Крошки Кимми? Школьницы с проектом?

– Можно и так сказать. Она внесла тебя в список информантов по делу Доброго Пастыря.

– Да ладно. Как это вас жизнь свела?

– Долгая история. Я подумал, может, ты поделишься информацией.

– Это какой же, например?

– Такой, которой не найдешь в интернете.

– Пикантные подробности?

– Если они важны для дела.

Из трубки раздалось сопение.

– Я еще кофе не пил.

Гурни молчал: он знал, что будет дальше.

– Значит, так, – прохрипел Хардвик, – ты сейчас едешь в “Абеляр”, привозишь мне большой суматранский, а я, так уж и быть, попробую вспомнить тебе важных подробностей.

– А такие есть?

– Кто ж знает? Не вспомню, так выдумаю. Ясен пень, что одному важно, то другому чушь собачья. Мне без молока и три сахара.

Через сорок минут, захватив два больших кофе, Гурни свернул с извилистой грунтовой дороги, ведущей от магазина “Абеляр” в деревне Диллвид на еще более извилистую грунтовую дорогу, даже скорее заброшенную тропу для скота, в конце которой Джек Хардвик снимал маленький фермерский домишко. Гурни припарковался рядом с характерной машиной Хардвика – частично отстранированным красным “понтиаком-джи-ти-о” 1970 года.

Редкий, то и дело начинавшийся снег сменился колючей моросью. Как только Гурни ступил на скрипучее крыльцо, сжимая в каждой руке по стакану кофе, дверь распахнулась и на пороге появился Хардвик в футболке и обрезанных тренировочных штанах, со взъерошенными седыми волосами. С тех пор как Гурни ранили, они виделись только однажды, на допросе в полиции штата. Но уже в первой реплике был весь Хардвик:

– А с какого перепоя ты знаешь крошку Кимми?

Гурни протянул ему кофе.

– Нас познакомила ее мать. Тебе такой?

Хардвик взял стакан, открыл отверстие на крышке и отхлебнул.

– А мама тоже горячая штучка?

– Бога ради, Джек...

– Это значит да или нет? – Хардвик посторонился и дал Гурни войти.

Входная дверь вела в большую комнату. Гурни ожидал увидеть гостиную, но комната вообще никак не была обставлена. Пара кожаных кресел да стопка книг на голом сосновом полу, казалось, были не отсюда и их скоро должны были вывезти.

Хардвик посмотрел на Гурни.

– Мы с Марси расстались, – сказал он, видимо, объясняя, почему в комнате пусто.

– Жаль это слышать. А кто такая Марси?

– Хороший вопрос. Я думал, что знаю. Оказалось, нет. – Он сделал большой глоток. – Ни хрена я не разбираюсь в полоумных бабах с большими сиськами. – Еще больший глоток. – Ну и что? Все мы на чем-нибудь обжигались, правда, Дэйви?

Гурни давно уже понял: самыми невыносимыми своими чертами Хардвик напоминал ему отца. И неважно, что Гурни было сорок восемь, а Хардвику, несмотря на седину и бывалый вид, меньше сорока.

В речи Хардвика частенько сквозил тот самый цинизм – нота в ноту, – который так хорошо был знаком Гурни и моментально переносил его в квартиру, из высокого окна которой он зачем-то пустил некогда стрелу. В ту квартиру, откуда он сбежал, в первый раз женившись.

В памяти всплыла картинка. Вот он стоит в гостиной в этой тесной квартирке, отец пустился в пьяные рассуждения: мол, твоя мамаша полоумная, все бабы полоумные, нельзя им доверять. И незачем им ничего говорить. “Мы мужики, Дэйви, мы всегда друг друга поймем. А твоя мать, она малек... малек того, понимаешь? И незачем ей знать, что я сегодня пил, правда? Одна морока. Мы мужики. У нас свой разговор”.

Дэйву было тогда восемь лет.

Теперь, в сорок восемь, он усилием воли постарался вернуть себя в гостиную Хардвика, в “здесь и сейчас”.

– Половину хламья вывезла, – сказал Хардвик. Затем снова отхлебнул кофе, сел в одно из кресел и указал Гурни на второе. – Чем могу помочь?

Гурни сел.

– Мать Ким – журналистка, мы уже много лет знакомы по работе. Она попросила меня об услуге: “чуть-чуть присмотреть за Ким” – так она выразилась. Я пытаюсь понять, во что ввязался, думал, может, ты поможешь. Как я уже сказал, Ким внесла тебя в список консультантов.

Хардвик воззрился на свой стакан, словно на загадочный артефакт.

– А кто еще в этом списке?

– Некий Траут из ФБР. И Макс Клинтон – коп, который погнался за убийцей и облажался.

Хардвик издал какой-то резкий звук – вроде как закашлялся.

– Ух ты! Самодур века и пьяный псих. Компашка у меня – зашибись.

Гурни отхлебнул большой глоток кофе.

– Так как насчет важных пикантных подробностей?

Хардвик вытянул свои мускулистые, изрезанные шрамами ноги и откинулся в кресле.

– О которых не знают журналисты?

– Именно.

– Во-первых, пожалуй, зверушки. Про них ты, наверно, не знал?

– Зверушки?

– Маленькие пластмассовые фигурки зверей. Из набора. Слон. Лев. Жираф. Зебра. Обезьянка. Какая шестая, не помню.

– А какое они...

– На месте каждого убийства нашли фигурку.

– Где именно?

– В относительной близости от машины убитого.

– В относительной близости?

– Ага. Вроде как стрелок бросал их из своей машины.

– Лабораторное исследование что-нибудь показало?

– Не-а, ни отпечатков, ничего такого.

– Но?

– Но все эти фигурки – часть детского набора. “Мир Ноя” называется. Как на диораме. Строишь Ноев ковчег, а потом сажаешь туда зверей.

– А что с каналами распространения? Магазины, фабрики? Как к нему мог попасть этот набор?

– Дохлый номер. Ширпотреб, в “Уолмарте” эти наборы штабелями лежат. Продано семьдесят восемь тыщ. Все одинаковые, все с фабрики в Сунь-Хуе.

– Где?

– В Китае. Хрен знает где. Какая разница – наборы все одинаковые.

– Были гипотезы, объясняющие значение каждой фигурки?

– До фига. И все бредовые.

Гурни мысленно пообещал себе вернуться к этому вопросу позже.

Когда позже? Что за бред? Он согласился только чуть-чуть помочь, а не вести расследование на общественных началах, об этом его никто не просил.

– Интересно, – сказал он. – А что еще есть странного, о чем широкая публика не знает?

– Пушка вполне себе странная.

– Насколько я помню, в новостях упоминали пистолет большого калибра.

– “Дезерт-игл”.

– Эта махина пятидесятого калибра?

– Она самая.

– Есть где разгуляться психологам-профайлерам.

– Разгулялись уже вовсю. Но странность тут не в размере. После шести убийств мы нашли три пули: две сохранили форму, годятся для экспертизы, третью суд уликой не признает, но результаты интересные.

– И что интересного?

– Все три пули – из разных “дезерт-иглов”.

– Что?

– Вот и все так отреагировали.

– Вы рассматривали гипотезу о том, что убийц несколько?

– Минут десять рассматривали. Арло Блатт был в своем стиле и разродился тупейшей идеей: может, там целая банда, где убийство – ритуал посвящения, и у каждого члена банды свой “дезерт-игл”. Правда, вышла неувязочка с манифестом: он написан как будто профессором, а среднестатистический боец свое имя-то с трудом напишет. Кое-кто предлагал и менее тупые варианты, но в итоге победила версия с одним стрелком. Тем более, с благословения светочей из отдела анализа поведения ФБР. Все преступления происходили по одному и тому же сценарию. По реконструкциям совпадало все: как стрелок приближался, как стрелял, как уходил. Немного психологической премудрости – и светочи-профайлеры объяснили, что шесть “дезерт-иглов” для этого чувака нормальное дело, все равно что один.

Гурни скорчил болезненную гримасу. Он много лет общался с профайлерами, и это был странный опыт. Их достижения он был склонен приписывать простому здравому смыслу, а провалы расценивал как доказательство бесполезности их профессии. У профайлеров, особенно у тех, у кого в ДНК фэбээровский снобизм, была общая беда: они думали, что правда что-то знают и что все их спекуляции научно обоснованны.

– Иначе говоря, – заключил Гурни, – шесть brutальных стволов не brutальнее одного brutального ствола. Brutально, как ни крути.

Хардвик ухмыльнулся.

– И еще одно непонятно: у всех потерпевших машины были черные.

– Вроде популярный цвет у “мерседеса”?

– Примерно тридцать процентов выпуска этих моделей красят в черный цвет, еще процента три – черный металлик. Выходит, одна треть – тридцать три процента. Вот в чем странность: казалось бы, из шести машин черных должно было бы попасться штуки две, если только цвет не был решающим фактором.

– А чем может быть важен цвет?

Хардвик пожал плечами, перевернул стакан и вылил себе в рот последние капли кофе.

– Еще один хороший вопрос.

С минуту они сидели молча. Гурни попытался было выстроить “страннысти” в ряд, усмотреть между ними логическую связь, потом оставил эту затею. Он знал, что, прежде чем сложится весь пазл, надо узнать гораздо больше подробностей.

– А что ты знаешь о Максе Клинтере?

– Макси – особая статья. Своеобразный тип.

– В каком смысле своеобразный?

– С историей. – Хардвик задумался на мгновение, потом издал скрипучий смешок. – Вот бы свести вас вместе: Шерлок, гений дедукции, и капитан Ахав.

– А кто кит?

– А кит – Добрый Пастырь. Макси всегда это любил: вцепиться зубами и не выпускать, – но после неудачи, угробившей всю его карьеру, он стал воплощением сумасшедшего упорства. Поймать Доброго Пастыря – это была не просто главная, а вообще единственная цель его жизни. А многие люди от этой цели отступились. – Хардвик покосился на Гурни и вновь издал резкий смешок. – Занятно посмотреть, какую херню вы замутили бы с Ахавом.

– Джек, тебе никто еще не говорил, что смеешься ты, как вода в унитазе шумит?

– Никто из тех, кто просил меня помочь. – Хардвик встал и потряс стаканом из-под кофе. – Вот чудеса, как быстро организм превращает эту жидкость в мочу. – И вышел из комнаты.

Через пару минут Хардвик вернулся, примостился на подлокотнике кресла и продолжил как ни в чем не бывало:

– Раз тебя интересует Макси, начну со знаменитого случая с бандой из Буффало.

– Знаменитого?

– В нашем западном захолустье. Такой важный хрен, да из самой полиции Нью-Йорка, о нем, конечно, не слышал.

– А что там произошло?

– Да был в Буффало один главарь шайки, некий Фрэнки Бенно, организовал сбыт героина на западе штата. Все об этом знали, но он был ловкий и осторожный, к тому же его крышевала кучка политиков. Макси это все задолбало. Он решил во что бы то ни стало допросить Фрэнки, хотя формально задержать его было не за что. Задумал “достать подонка и подловить на ошибке”. Это были последние слова, которые он сказал жене перед выходом. А сам отправился в ресторан, где тусовался Фрэнки и его ребята, – в здании, которое принадлежало самому Фрэнки.

Гурни первым делом подумал: “достать подонка и подловить на ошибке” – весьма сомнительная цель. Впрочем, сразу же вспомнил, что и сам не раз так делал, только называл это “оказать давление на подозреваемого и проанализировать его реакцию”.

Хардвик продолжил:

– Приходит, значит, Макси в ресторан, одетый как бандит. Идет прямо в дальний зал, где вся шайка тусовалась, когда не мочила народ. В зале два бандита, посасывают пасту с моллюсками. Макси подходит к ним, достает пушку и “мыльницу”. Говорит, выбирайте, что снимать: или как ваши мозги разлетаются, или как вы друг другу члены сосете. Решать, мол, вам. Десять секунд на раздумье. Или хватайте друг друга за члены, или мозги размажу по стенке. Десять... девять... восемь... семь... шесть...

Хардвик наклонился к Гурни, глаза его блестели, он явно увлекся своим рассказом.

– Но только Макси близко к ним подошел... что-то близковато... один из бандитов как выхватит у него пушку. Макси отшатнулся и сел на жопу. Щас, кажется, говно из него и вытрясут, но он вдруг бросает косить под бандита и давай вопить, что он только притворяется, на самом деле он просто актер. Говорит, его подослали, и все равно никто бы не пострадал, пистолет, мол, ненастоящий. Прямо плачет. Ну бандиты проверили пушку. Ясный перец, пугач. Начинают допытываться: что за хрень, кто его подослал и так далее. Макси божится, что не знает, что с тем человеком он должен был встретиться на другой день: отдать фотоаппарат и пленку с отснятым минетом и получить свои пять штук. Тут один из бандитов выходит на улицу позвонить – мобильных тогда еще не было. Возвращается и говорит Макси, мол, пойдешь с нами наверх, мистер Бенно расстроен. Макси, кажется, вот-вот обосрется, умоляет его отпустить. Но его ведут наверх. Там у них укрепленный офис. Стальные двери, замки, камеры. Сверхбезопасность. Там, наверху, поджидает Фрэнки Бенно и еще двое. Макси вводят в святая святых, и Фрэнки встречает его долгим, тяжелым взглядом. Потом мерзко улыбается – так, будто его только что осенило. “Снимай штаны”, – говорит. Макси всхлипывает, как маленький. “Снимай штаны, сука, и гони сюда камеру”, – повторяет Фрэнки. Макси отдает ему камеру, а сам жмет к стеночке, лишь бы подальше от этих парней. Снимает куртку и рубашку, потом спускает штаны. А ботинки-то не снял. Сидит, значит, на полу, пытается стащить штаны, да ногами в них запутался. Фрэнки его подгоняет. Четыре бандита усмеваются. И тут вдруг Макси как оторвет руки от штанов – и в каждой по пистолету, аккуратненькие такие “зиги” тридцать восьмого. – Хардвик сделал сценическую паузу. – Ну как, чё думаешь?

Первое, о чем подумал Гурни, была его собственная спрятанная “беретта”.

Потом он подумал о Клинтере. Тот хоть и был аферист и, похоже, чокнутый, сумел-таки придумать сложный сценарий и разыграть его в напряженной обстановке. Сумел манипулировать импульсивными и жестокими людьми, сумел заставить их сделать как раз то, что ему

нужно. Для копа под прикрытием, как и для фокусника, нет умения полезней. Но что-то такое промелькнуло в этой истории, что Гурни почуял некрасивую развязку.

Хардвик продолжал:

– То, что случилось дальше, потом тщательно расследовало ФБР. И все равно они не добыли информации, кроме слов самого Макса. А тот не мудрствуя заявил: мол, усмотрел непосредственную угрозу жизни, действовал соответственно, применил силу, как того требовали обстоятельства. В итоге уложил пятерых бандитов и ушел – без единой царапинки. С этого дня и вплоть до той ночи, пять лет назад, когда он спустил свою карьеру в унитаз, Макса Клинтера окружала аура несокрушимости.

– Не знаешь, что он сейчас делает, чем зарабатывает на жизнь?

Хардвик ухмыльнулся.

– А как же. Оружие продает. Необычное. Коллекционное. Всякую армейскую хрень. Может, даже “дезерт-иглы”.

Глава 8

Сложный проект

Ким Коразон

В 11:15, когда Гурни вернулся от Хардвика, он увидел, что красная “миата” уже стоит у боковой двери. Гурни припарковался рядом, Ким убрала телефон и открыла окно.

– Я как раз собиралась вам звонить. Стучала в дверь – никто не открыл.

– А ты рано.

– Я всегда приезжаю заранее. Не переношу опозданий. Это у меня вроде фобии. Мы можем прямо сейчас поехать к Руди Гетцу, если только у вас нет срочных дел.

– Сейчас вернусь.

Гурни зашел в дом и направился в ванную. Потом проверил автоответчик. Ничего. Проверил почту на компьютере. Только для Мадлен.

Он снова вышел на улицу, и в нос ударил запах влажной земли. Запах этот, в свою очередь, вызвал в памяти стрелу на грядке – красные перья, черное древко, плотная бурая почва. Он отыскал глазами это место, словно ожидая...

Но на грядке ничего не было.

“Разумеется. С чего бы там что-то было? Что за дрянь со мной творится?”

Он обошел “миату” и сел на низкое пассажирское сиденье. Ким, подпрыгивая на кочках, проехала через пастбище, мимо амбара, мимо пруда, и вырулила на дорогу из грязи и гравия, которая спускалась с горы вдоль ручья. Когда они выехали на трассу и поехали на восток, Гурни поинтересовался:

– Сегодня возникли новые трудности?

Она поморщилась.

– По-моему, я становлюсь слишком нервной. Кажется, психиатры называют это сверхбдительностью?

– В смысле постоянно все проверять на случай опасности?

– Да, постоянно все проверять, так навязчиво, что угроза чудится уже везде. Как если бы пожарная сигнализация срабатывала каждый раз, когда включаешь тостер. А я правда оставила эту ручку на столе? А эту вилку я уже точно мыла? А разве этот цветок не стоял на два дюйма левее? Все в таком духе. Как вчера вечером. Я на час отлучилась, прихожу, а в ванной горит свет.

– Ты уверена, что выключила его перед уходом?

– Я всегда его выключаю. Но и это не все. Мне почудился запах мерзкого одеколона Руди. Слабенький, едва различимый. Я стала бегать по квартире и принюхиваться, на секунду показалось, что опять пахнет. – Она раздраженно выдохнула. – Понимаете? Я сама не своя. Кому-то мерещатся видения. А мне вот запахи.

Несколько миль они проехали молча. Вновь пошла морось, и Ким включила дворники. После каждого взмаха они противно скрипели. Но Ким, казалось, этого не замечала.

Гурни рассматривал ее. Одета аккуратно, неброско. Правильные черты лица, темные глаза, очаровательный рот. Блестящие каштановые волосы. Гладкая кожа отдавала средиземноморским золотом. Красивая молодая женщина – полна идей и стремлений, не заикливается на себе. И умная. Это Гурни в ней нравилось больше всего. Но вот что странно: при ее уме связаться с таким подозрительным типом, как Робби.

– Расскажи еще что-нибудь об этом Мизе.

Он подумал было, что Ким не расслышала: так долго она не отвечала.

– Как я уже сказала, у него дома была нездоровая ситуация, он рос в нескольких приемных семьях. Для некоторых это оканчивается нормально, но для большинства – нет. Я так и не узнала подробностей. Просто он казался другим. Глубоким. Даже чуть-чуть опасным. – Она задумалась. – А еще, я думаю, меня привлекало то, что Конни его терпеть не могла.

– Поэтому он тебе понравился?

– Думаю, что она его терпеть не могла, а мне он понравился по одной и той же причине: нам обоим он напоминал моего отца. Папа был по-своему сумасброд, и у него было безумное прошлое.

Папа. Временами это слово поднимало в Гурни волну грусти. Он испытывал к отцу сложные чувства – большей частью подавленные. То же самое он чувствовал, думая о себе как об отце двух сыновей, одного живого и одного покойного. Когда волна грусти пошла на спад, Гурни поспешил отвлечься – перешел к другому вопросу, связанному с проектом Ким.

– По телефону ты начала рассказывать о Максе Клинтере, он показался тебе странным. Кажется, так ты сказала?

– Очень эмоциональный. Более чем эмоциональный.

– Более чем?

– О да. Он говорил, как параноик.

– Почему тебе так показалось?

– Его взгляд. Такой “я знаю ужасные тайны”. Все твердил, что я не понимаю, во что ввязываюсь, что я рискую жизнью, что Добрый Пастырь – само зло.

– Кажется, он тебя напугал.

– Еще как. “Само зло” звучит избито. Но он говорил это так, что воспринималось всерьез.

Через несколько миль навигатор Ким направил их с трассы 28 на съезд в Буасвиль. Они ехали вдоль белого порожистого потока, бурного из-за талой воды, потом выехали на Маунтин-сайд-драйв – головокружительный серпантин среди хвойного леса. Затем свернули на улицу Фэлконс-Нест. Таблички с номерами домов здесь располагались у подъездных дорожек, а сами дома прятались за густой живой изгородью или высокими каменными стенами. Дорожки встречались нечасто: по прикидкам Гурни, не меньше четверти мили от соседа до соседа. Последним номером был “Двенадцать” – слово выгравировано рукописным шрифтом на медной табличке, прикрепленной к одной из двух каменных колонн по бокам дорожки. Каждую из колонн венчал каменный шар размером с баскетбольный мяч, а на шарах свирепо растопырили когти и крылья каменные орлы.

Ким свернула на ухоженную мощеную дорожку и медленно поехала сквозь аллею из густых рододендронов. На выезде из аллеи дорожка стала шире: они подъехали к дому Руди Гетца – угловатому сооружению из стекла и бетона, мало похожему на жилой дом.

– Ну вот, – проговорила Ким нервно и возбужденно, останавливаясь у бетонных консольных ступеней, которые вели к металлической двери.

Они вышли из машины, поднялись по ступеням и уже собирались постучать, как вдруг дверь отворилась. Навстречу им вышел невысокий коренастый человек с бледной кожей, жидкими седыми волосами и нависшими веками. Он был одет в черные джинсы, черную футболку и почти белый льняной пиджак. В руках у него был небольшой толстый стакан с бесцветной жидкостью. Гурни подумал, что он похож на продюсера порнофильмов.

– Привет, рад видеть, – обратился он к Ким с дружелюбием ленивого ящера. Потом смеялся взглядом Гурни и изобразил пресную улыбку. – Вы, наверно, знаменитый детектив-консультант. Очень приятно. Входите. – Он пропустил их, стаканом указывая на вход. Затем бросил взгляд на серое небо. – Погодка-то дерьмовая.

Внутри дом оказался столь же резко современным и угловатым, как и снаружи: кожа, металл, стекло, холодные цвета, полы из белого дуба.

– Что будете пить, детектив?

– Ничего.

– Ничего. Хорошо. А вы, мисс Корасон? – Он произнес эту фамилию с таким подчеркнuto испанским акцентом, что вместе с ухмылкой это смахивало на приставание.

– Можно просто воды?

– Воды. – Он кивнул и повторил это слово, словно то была не просьба, а интересное наблюдение. – Хорошо. Входите, садитесь. – Он указал стаканом в сторону огромного, как в соборе, окна. В эту минуту в просторную комнату на удивление бесшумно въехала молодая женщина на роликах в обтягивающем черном трико – въехала и тут же исчезла за дальней дверью.

Гетц подвел их к шести креслам из матового алюминия, расставленных у овального акрилового кофейного столика. Рот его расплылся в подобии улыбки, ошеломляюще неприветливым.

Когда они уселись, через комнату вновь пронеслась девушка на роликах – и вновь скрылась за дверью.

– Клаудия, – объявил Гетц и подмигнул, словно раскрывая секрет. – Симпатичная, а?

– Кто это? – спросила Ким. Похоже, этот спектакль ее ошарашил.

– Моя племянница. Приехала в гости. Любит кататься. – Он помолчал. – Но к делу, да? – Улыбка мгновенно исчезла – видимо, время для болтовни прошло. – У меня для вас отличные новости. “Осиротевшие” заняли первое место в зрительском голосовании.

Ким, казалось, больше смутилась, чем обрадовалась.

– В голосовании? Но как вы...

Гетц ее перебил.

– У нас есть собственная система оценки предложенных программ. Мы делаем репрезентативную нарезку по материалам шоу, показываем подкаст достаточно широкой аудитории и получаем обратную связь. И суперточные прогнозы.

– Но какой материал вы использовали? Мои интервью с Рут и Джими?

– Фрагменты. Репрезентативные фрагменты. Плюс немного дополнительной информации, обозначить контекст.

– Но эти интервью я снимала на любительскую камеру. Они не предназначены...

Гетц перегнулся через стол навстречу Ким.

– Этот вот “любительский” эффект в данном случае как нельзя кстати. Иногда необработанные записи – то что нужно. Они говорят зрителю: здесь честность. И ваш вид говорит то же самое. Вдумчивая. Открытая. Молодая. Невинная. Вот что сообщили нам зрители пробного ролика. Я не должен был вам этого говорить, но скажу. Ведь я хочу, чтобы вы мне доверяли. Они в вас влюбились. Просто влюбились! Нас с вами ждет большое будущее. Что скажете?

Ким уставилась на него, приоткрыв рот.

– Не знаю. Я... то есть они видели просто отрывок интервью?

– Ну, кое-где мы упаковали его в объяснения, чтобы обозначить контекст, – мы и в передаче так сделаем. Если вам интересно, наш тестовый ролик представляет собой часовое шоу, составленное из презентаций четырех программ, по тринадцать минут каждая. То есть в него вошло ваше интервью и три другие записи. Такого рода тестовые ролики называются “В эфир или в сортир?”. Некоторым это название кажется грубым. Но мы его взяли не просто так – оно пробуждает инстинкты.

Слово “инстинкты” Гетц произнес задушевым, чуть ли не благоговейным голосом. Хотите знать, в чем секрет успеха наших новостей? Он прост. Мы будим инстинкты. Когда-то телекомпании думали, будто новости есть новости, а развлечения есть развлечения. Ну и разорялись на новостных программах. Не подозревали, какой клад тут зарыт. Воображали, что новости – это голые факты, изложенные как можно скучнее.

Гетц снисходительно покачал головой, дивясь человеческой склонности впадать в иллюзии.

– И конечно, заблуждались, – улыбнулся Гурни.

Гетц одобрительно указал на него пальцем, словно учитель на верно ответившего ученика.

– Именно! Новости – они про жизнь, жизнь – про эмоции, а эмоции – это инстинкты. Страсть, кровь, слезы, восторг. А не сухие факты для чопорных маразматиков. Новости – это всегда конфликт. Отвали к едрене фене, понял? Сам отвали! Что ты сказал? Бамц! Бамц! Бамц! Простите за мой французский. Ясно ведь, о чем я?..

– Яснее некуда, – бесстрастно отозвался Гурни.

– Поэтому мы и назвали тестовую программу “В эфир или в сортир?”. Людям такое надо. Чтoб выбирать одно из двух. Чувствовать свою силу. Как император на гладиаторском бою. Лайк – пощадить. Дислайк – добить. Люди любят черно-белое. От серого одна морoka. От нюансов всех тошнит.

Ким заморгала и сглотнула слюну.

– Так “Осиротевшие” получили лайк?

– Огромнейший лайк! – Ким хотела было еще что-то спросить, но Гетц ее перебил и продолжил: – Огромнейший лайк! Что мне лично особенно приятно. Вот что значит карма! Ведь это благодаря новостям о преступлениях Доброго Пастыря “РАМ-Ньюс” взлетели в топ. Это наши истоки. Вернуться к той же теме теперь, ровно через десять лет – как это метко! Кожей чую, это то что надо. А теперь предлагаю вам восхитительный ланч.

По сигналу Гетца в комнату вновь вкатилась Клаудия, на этот раз с подносом в руках и поставила его на кофейный столик. Ее уложенные гелем волосы оказались при ближайшем рассмотрении не черными, а густо-синими – лишь самую малость темнее глаз, на мгновение уставившихся прямо на Гурни с диковой непосредственностью. Похоже, ей еще нет и двадцати, подумал Гурни. Она сделала пируэт на одном коньке, затем проскользила через комнату, обернулась и исчезла.

На подносе стояли три тарелки. На каждой, как экспонаты, были аккуратно разложены суши. Замысловатой формы, красивых тонов. Все сплошь из незнакомых ингредиентов – незнакомых Гурни и, по видимости, Ким: она разглядывала эту экспозицию с явной тревогой.

– Очередной шедевр от Тоширо, – сказал Гетц.

– А кто такой Тоширо? – спросила Ким.

У Гетца загорелись глаза.

– Моя добыча. Я его увел из одного крутого суши-ресторана. – Гетц взял с тарелки яркий ломтик и отправил в рот.

Гурни последовал его примеру. Было непонятно, из чего сделано блюдо, но на удивление вкусно.

Ким собралась с духом, попробовала кусочек и уже через пару секунд заметно успокоилась.

– Изумительно, – сказала она. – Значит, теперь он ваш личный шеф-повар?

– Один из моих бонусов.

– Должно быть, вы мастер своего дела, – сказал Гурни.

– Я мастер распознавать, на что люди клонут. – Гетц на секунду замолк, словно эта мысль озарила его только сейчас. – У меня талант распознавать таланты.

Гурни вежливо кивнул, зачарованный столь беззастенчивым позерством.

Ким хотелось вернуть разговор к “Осиротевшим”.

– Я хотела спросить... может быть, из голосования стало понятно, на что мне обратить внимание в работе?

Гетц пристально посмотрел на нее.

– Делайте то, что делаете. Ваша естественность и невинность нам на руку. Не мудрите слишком. Пока так. В будущем я вижу две возможности: расширять то, что есть, и развивать побочную линию. У “Осиротевших” мощнейший эмоциональный потенциал. Его хватит не только на шесть семей, пострадавших от Доброго Пастыря. Тут напрашиваются передачи о родственниках других убитых. Они напрашиваются сами собой – возможно, мы их и снимем. Но есть еще тот аспект, что убийства не раскрыты. Сейчас у нас все вперемешку. Вы про горе родных, ведь так? Но заодно и про непойманного убийцу, про открытый финал. Я вот что думаю: если “Осиротевшие” выдохнутся, то мы перенаправим заряд. Будем развивать побочную линию – создадим шоу “Лишенные правосудия”. Просто перенесем акцент на несправедливость: убийца не найден. И справедливости все нет.

Гетц откинулся в кресле, наблюдая за реакцией Ким.

Она, похоже, сомневалась.

– Да... можно попробовать... наверное.

Гетц подался вперед.

– Послушайте, я хорошо понимаю, в чем ваша фишка: эмоциональный аспект, боль, страдание, утрата. Нужно просто держать баланс. В первой серии нажимаем на боль утраты. Во второй серии – на то, что убийца не найден. И мне только что пришло в голову кое-что еще. Прямо как с неба свалилось, пока я глядел на этого малого.

Он указал на Гурни, и глаза его азартно блеснули под нависшими веками.

– Послушайте. Это пока только мысли вслух, но... не хотите ли вы двое стать командой в новом крутом реалити-шоу и прославиться на всю страну?

Ким заморгала, одновременно воодушевленно и озадаченно.

Гетц продолжал:

– Тут такой замес, такая химия. Такой вкусный контраст двух личностей. Сидит такая девочка, которую волнуют только жертвы, только боль их родных. А рядом ее друг и враг, сыщик со стальным взглядом, который заботится лишь о том, как арестовать убийцу, закрыть дело. Да это же жизнь! Это будит инстинкты!

Глава 9

Немногословный сирота

– Ну и что вы думаете? – спросила Ким и нервно взглянула на Гурни, снова переключив скорость дворников.

Они только что проехали дамбу водохранилища Ашокан и теперь направлялись на юг, к Стоун-Риджу. Было уже начало третьего, а небо оставалось таким же серым, иногда моросило.

Гурни не ответил, и Ким добавила:

– Вид у вас мрачный.

– Пока слушал твоего партнера, вспомнил, как РАМ-ТВ освещало дело Доброго Пастыря. Ты, конечно, не помнишь. Вряд ли ты в тринадцать лет часто смотрела новости.

Она прищурилась, глядя на мокрую дорогу.

– И как они его освещали?

– Нагнетали страх, круглые сутки без выходных. Придумывали стрелку все новые прозвища – Мерседесный Маньяк, Полночный Маньяк, Полночный Убийца, – пока он не разослал свою декларацию, подписавшись Добрым Пастырем. После этого РАМ-ТВ стало именовать его только так. Они взяли в оборот те пассажи в манифесте, где убийца клеймит алчность, и стали нагнетать панику: мол, эти убийства – начало революции, это партизанская война, дело рук социалистов, угроза всей Америке, угроза капитализму. В общем, пороли чушь. Двадцать четыре часа в сутки приглашенные “эксперты” талдычили на разные лады, какие ужасы нас ждут, какие страсти могут случиться, какой заговор за всем этим стоит. А “консультанты по вопросам безопасности” призывали американцев вооружаться – ружье в доме, пистолет в машине, пистолет в кармане. Хватит нянчиться с американофобскими злодеями, хватит “преступных порядков”. Убийства прекратились, а РАМ-ТВ и не думало униматься. Все твердило о классовой войне – мол, она ушла в подполье, но вот-вот разразится снова, еще страшнее, чем прежде. Мусолили эту тему еще года полтора. Стало понятно, какова их миссия: пробудить в зрителях как можно больше агрессии, вызвать как можно больше паники, благодаря этому привлечь аудиторию и получить свой доход. Самое грустное, что это сработало. Передачи РАМ, посвященные делу Доброго Пастыря, в итоге стали образцом вульгарных кабельных новостей: бестолковые споры, раздутые конфликты, отвратительные теории заговора, романтизация насилия, обвинения вместо объяснений. И Руди Гетц, похоже, ставит это себе в заслугу.

Ким крепко сжала руль.

– Вы хотите сказать, что мне не стоит с ним связываться?

– Я не сказал о Гетце ничего, что не было бы ясно из сегодняшней встречи.

– На моем месте вы бы стали с ним работать?

– С твоим умом нетрудно понять, что это бессмысленный вопрос.

– Нет, не бессмысленный. Просто представьте, как бы вы себя вели в такой же ситуации.

– Ты спрашиваешь, как бы я поступил, если бы не был собой – со своим прошлым, своими чувствами, своими мыслями, своей семьей, своей жизнью и предпочтениями. Разве непонятно? Моя жизнь просто не может привести меня на твое место. Это абсурд.

Ким озадаченно поморгала:

– Из-за чего вы так злитесь?

Вопрос застал его врасплох. А ведь и правда: он злился. Ничего не стоило сказать, что бессердечные рептилии вроде Гетца неизбежно вызывают злость, что его злит, когда новостные агентства перестают просто сообщать относительно безобидные факты и начинают цинично провоцировать раскол, когда из жестокого убийства делают реалити-шоу. Но он неплохо себя знал: внешние причины злости зачастую лишь маскировали внутренние.

Когда-то один мудрый человек ему сказал: “Злость – это как буй на поверхности воды”. Когда ты злишься, это лишь верхушка проблемы. Нужно спуститься по цепи до дна и выяснить, с чем связана твоя злость, к чему она крепится.

Он решил спуститься по цепи. И обратился к Ким:

– Зачем я был нужен на этой встрече?

– Я вам уже объясняла.

– Ты имеешь в виду “чуть-чуть за тобой присмотреть”? Просто наблюдать?

– А потом поделиться своим видением, как, на ваш взгляд, я веду дела.

– Я не могу оценить, как ты держалась, пока не пойму, какова твоя цель.

– У меня не было никакой цели.

– Правда?

Она повернулась к нему:

– Вы считаете, я лгуныя?

– Следи за дорогой, – голос Гурни прозвучал сурово, отечески.

Когда Ким перевела взгляд на дорогу, он продолжил:

– Как так вышло, что Руди Гетц не знает, что ты наняла меня только на день? Как так вышло, что он думает, будто я участвую в твоём проекте больше, чем на самом деле?

– Не знаю. Я ничего такого ему не говорила. – Она сжала губы.

Гурни показалось, что она борется с подступившими слезами. Он спокойно проговорил:

– Я хочу узнать всю историю. Хочу узнать, зачем ты меня позвала.

Она едва различимо кивнула, но заговорила только через минуту:

– Когда мой руководитель показал Гетцу мой проект и первые интервью, все стало развиваться совсем стремительно. Я не думала, что Гетц купит это предложение, а когда купил, я запаниковала. Мне предложили такую возможность – я не хотела, чтобы они передумали и ее отняли. Я думала, а вдруг эти люди с РАМ очнутся и решат: “Двадцать три года, еще девчонка. Что она понимает в убийствах? Да что она вообще понимает в жизни?” Мы с Конни подумали, что если в проекте будет участвовать кто-то с реальным опытом расследования, если будет участвовать эксперт, то вся затея покажется солиднее. Нам обеим это пришло в голову. Конни сказала, что про убийства никто не знает больше вас, а благодаря ее давней статье вы стали известны. Вы бы подошли как нельзя лучше.

– Ты показывала статью Гетцу?

– Кажется, я упомянула ее вчера, когда звонила сообщить, что вы приедете.

– А что с Робби Мизом?

– А что с ним?

– Ты часом не надеялась, что я помогу тебе от него отделаться?

– Возможно. Возможно, я боюсь его сильнее, чем готова признаться.

За годы работы в полиции Гурни понял: обман прячется под разными обертками, порой искусными, порой нет, правда же всегда скупа и гола. Несмотря на запутанность нашей жизни, правда обычно проста. И теперь эта простота звучала в голосе Ким. Гурни улыбнулся.

– Стало быть, я твой консультант-эксперт по расследованию убийств, знаменитый сыщик, аргумент для убедительности, партнер по реалити-шоу и личный телохранитель. Что еще?

Ким запнулась.

– Раз я все равно выхожу идиоткой и манипуляторшей, признаюсь еще в одной безумной надежде. Я подумала, что если бы вы пришли еще на одну встречу – с Ларри Стерном, – то он бы, возможно, согласился участвовать.

– Но почему?

– Это уж совсем какие-то интриги. Но я подумала, раз вы знаменитый сыщик, вдруг Ларри решит, что вы занялись поиском преступника, и, обнадеженный, согласится участвовать.

– Значит, вдобавок ко всему я еще и твой спец по нераскрытым делам в погоне за Добрым Пастырем?

Она вздохнула:

– Глупо, правда?

Он счел за лучшее промолчать, а она не стала переспрашивать.

Высоко над ними, где-то над нависшими облаками, послышался тяжелый, увесистый пульс вертолета: все громче, потом тише и, наконец, совсем смолк.

В противоположность навороченным колоннам с орлами у Руди Гетца указатель к дому Ларри Стерна был самый обычный: простой почтовый ящик рядом с проемом в невысоком заборе из булыжника. Дом, каменный коттедж XVIII века, каких было немало в округе, стоял футами в двухстах от ограды за самым обычным газоном. Отдельно стоял гараж, у которого Ким и припарковала свою “миату”.

Парадная дверь была открыта. На пороге стоял человек среднего роста, не полный и не худой, на вид лет сорока. Одет он был в поло, мятый кардиган, широкие слаксы и дорогие мокасины – все желтовато-коричневых оттенков, прямо в тон светло-русый волосам.

Насколько Гурни помнил из голубой папки Ким, Ларри Стерн продолжал дело своего застреленного отца: он был первоклассным стоматологом.

– Ким, – проговорил он с улыбкой, – рад вас видеть. А это, должно быть, детектив Гурни?

– В отставке, – подчеркнул Гурни.

Стерн удовлетворенно кивнул, словно бы радуясь этому уточнению.

– Проходите, вот сюда, – он провел их в светлую гостиную с полом из широкой доски, со вкусом обставленную антикварной мебелью.

– Не хочу показаться грубым, Ким, но у меня не так много времени. Мы могли бы перейти сразу к делу?

Они расположились в креслах, расставленных вокруг коврика перед каменным камином. Догорающие угольки еще дышали приятным теплом.

– Я знаю ваше отношение к “РАМ-Ньюс”, – серьезно сказала Ким, – но мне кажется важным еще раз обсудить ваши возражения.

Стерн терпеливо улыбнулся. Затем заговорил с ней, как с ребенком.

– Я всегда рад вас выслушать. Надеюсь, и вы захотите выслушать меня.

Этот спокойный голос кого-то напомнил Гурни, но кого, он не мог вспомнить.

– Конечно, – отозвалась Ким не слишком уверенно.

Стерн слегка подался вперед – само воплощение внимательной вежливости.

– Давайте сперва вы.

– Хорошо. Довод первый: за формат и окончательную редакцию серий буду отвечать только я. Вам не придется иметь дело с безликой корпорацией. Я сама буду вести все передачи, задавать вопросы. Довод второй: девяносто пять процентов эфирного времени будут занимать истории детей убитых – такие, как ваша. Там самое главное – это ваши ответы на мои вопросы. Передача будет почти полностью состоять из ваших собственных слов. Довод третий: меня лично интересует исключительно правда – правда о том, как убийство повлияло на родственников жертвы. Довод четвертый: возможно, у “РАМ-Ньюс” есть свои собственные интересы, но для этого проекта они всего лишь площадка, всего лишь канал коммуникации. Просто средство. А вы – содержание.

Стерн терпеливо улыбнулся.

– Вы очень красноречивы, Ким. Но мое беспокойство вы не развеяли. Я позаимствую у вас идею с нумерацией и приведу ответные доводы. Довод первый: РАМ – организация весьма неприятная. Она объединяет в себе все худшие черты современных СМИ. Это рупор самых уродливых, самых губительных общественных настроений. На РАМ воспевают агрессию, неве-

жество считают добродетелью. Пускай ваша цель – истина, но у них такой цели нет. Довод второй: они куда искуснее в манипулировании такими, как вы, чем вы – в противостоянии таким, как они. Ваши надежды удержать контроль над своей передачей нереалистичны. Я знаю, что вы просите участников подписать договор исключительного права на использование интервью, но не удивлюсь, если РАМ и тут отыщет лазейку. Довод третий: даже если РАМ и не вынашивает коварных планов, я бы все равно советовал вам отказаться от этого проекта. У вас интересный замысел, но вы можете причинить людям сильнейшую боль. Возможный урон тут больше возможной пользы. У вас благие намерения, но благие намерения могут причинить людям страдания, особенно когда вы обнаружите сокровенные чувства. Довод четвертый: моя собственная жизнь, даже спустя столько лет, служит лучшим доказательством сказанного. Я уже упоминал об этом, Ким, но, пожалуй, стоит уточнить. Девятнадцать лет назад, когда я учился на стоматолога, убили мою близкую подругу из другого университета. Я помню, как это было подано в СМИ: истерично, плоско, вульгарно, совершенно отвратительно. И совершенно в духе СМИ. Грустная правда в том, что законы медиаиндустрии поощряют производство пошлятины. Пошлятина имеет широкий рынок – больше, чем содержательные, умные комментарии. Такова природа СМИ, такова их аудитория. “Введение в экономику медиа”.

Они еще несколько раз обсудили свои разногласия, повторяя уже сказанное и стараясь смягчить острые углы. Потом Стерн указал на часы, извинился и сказал, что ему пора.

– Вы отсюда ездите в город на работу? – спросил Гурни.

– Не больше пары раз в неделю. Я сейчас очень редко принимаю пациентов. У меня большая стоматологическая корпорация, я там больше задействован как председатель правления, чем как практикующий врач. На мое счастье, у меня хорошие партнеры и менеджеры. Так что большую часть времени я уделяю другим медицинским центрам и организациям – благотворительным и так далее. Можно сказать, мне очень повезло.

– Ларри, дорогой...

На пороге появилась высокая, очень стройная женщина с миндалевидными глазами. Она указала на свои изящные золотые часики.

– Я знаю, Лила. Как раз провожаю гостей.

Она с улыбкой удалилась.

Провожая Ким и Гурни к двери, Стерн призвал ее не поддаваться чужим влияниям и предложил обращаться к нему еще. Пожимая руку Гурни, он вежливо улыбнулся и сказал:

– Надеюсь, нам еще выпадет случай поговорить о вашей карьере в полиции. Судя по тому, что написала мать Ким, это должен быть интереснейший рассказ.

Тут наконец Гурни вспомнил, кого ему напоминает этот человек.

Мистера Роджерса³.

Только вот жена у него как из гарема.

---

³ *Фред Роджерс* (1928–2003) – педагог, проповедник, автор песен, бессменный ведущий детской познавательной телепередачи “Мистер Роджерс и его соседи” (1968–2001).

Глава 10

Совсем другой подход

Ким остановилась перед выездом на дорогу, хотя машин не было.

– Пока вы не спросили, – сказала она исповедальным голосом, – сразу ответчу “да”. Когда я договаривалась о встрече и предупреждала, что вы придете со мной, я кинула ему ссылку на статью Конни.

Гурни молчал.

– Вы сердитесь на меня за это?

– Я чувствую себя как на раскопках.

– В каком смысле?

– Все время вылезают новые черепки, новые детали ситуации. Интересно, что же будет дальше.

– Ничего не будет. По крайней мере, я так думаю. А работа у вас тоже была такая?

– Какая такая?

– Похожая на раскопки?

– Отчасти.

Его работа нередко казалась ему собиранием пазла: находишь новые кусочки, раскладываешь, внимательно рассматриваешь выемки и цветовые пятна, неуверенно соединяешь друг с другом, надеясь сложить картинку. Иногда на это дается время. Но чаще приходится рассуждать на лету – например, когда ищешь серийного убийцу. Здесь нет времени искать и рассматривать фрагменты: отсрочка означает новые убийства, продолжение кошмара.

Ким достала мобильный, посмотрела на экран, потом на Гурни.

– Послушайте, я вот думаю... еще нет и трех... а не могли бы вы заехать со мной еще на одну встречу? – И не дав ему ответить, быстро добавила. – Это по пути и надолго вас не задержит.

– В шесть мне нужно быть дома. – Не то чтобы это было правдой, но ему хотелось обозначить какие-то рамки.

– Думаю, это не проблема. – Она набрала номер, потом замерла с телефоном у уха: – Роберта? Это Ким Коразон.

Минуту спустя, после наикратчайшего разговора, Ким поблагодарила и тронулась в путь.

– Кажется, тут сложностей не возникло, – заметил Гурни.

– Роберта с самого начала загорелась идеей документальных передач. Она не будет скрывать своих чувств и не упустит случая высказаться. За исключением, пожалуй, Джими Брюстера, она самый агрессивный наш информант.

Роберта Роткер жила прямо за деревней Пикок в кирпичном доме, больше похожем на крепость. Дом стоял в чистом поле, кое-как скошенном, чтобы сойти за газон. На поле не было ни деревьев, ни кустов, ни иной зелени. Вокруг дома возвышался шестифутовый сетчатый забор. За ним – камеры видеонаблюдения с равномерными промежутками. Массивные раздвижные ворота на электроприводе с дистанционным управлением.

Когда Гурни и Ким подъехали ближе, ворота открылись. Прямая гравийная дорога привела их к такой же парковке и кирпичному гаражу на три машины. У всех строений был казенный вид, словно их на самом деле занимала государственная контора. Гурни заметил еще четыре камеры: две на углах гаража и две на доме, под карнизами.

У женщины, открывшей парадную дверь, вид был столь же казенный. На ней была клетчатая рубашка и темные саржевые брюки. Короткие песочного цвета волосы не уложены: она явно не заботилась о своей внешности. Она посмотрела на Гурни немигающим, недружелюб-

ным взглядом. Совсем как коп, подумал он, тем более что на поясе у нее красовался девяти-миллиметровый “ЗИГ-зауэр” в скоростной кобуре.

Она пожала руку Ким – решительно и крепко, как пожимают руку женщины, работающие в традиционно мужских профессиях. Ким представила ей Гурни, объяснив, что это ее консультант, тогда Роберта Роткер коротко ему кивнула, затем отступила на шаг и жестом пригласила их в дом.

Это был типичный дом в колониальном стиле с холлом посередине. Но центральный холл был совершенно пуст – просто коридор от парадной двери к задней. По левой стене были две двери и лестница, по правой – еще три двери, все закрытые. Этот дом не спешил делиться своими секретами.

Хозяйка провела Гурни и Ким через первую дверь в скупобставленную гостиную. По дороге Гурни поинтересовался:

– Вы из правоохранительной сферы?

– В высшей степени.

Странный ответ.

– Я имел в виду, вы работаете в правоохранительных органах?

– Почему вас интересует моя работа?

Гурни вежливо улыбнулся.

– Просто интересно, оружие на поясе у вас по долгу службы или это личное предпочтение?

– Не вижу разницы. И то и другое. Присаживайтесь.

Она указала на жесткую кушетку – вроде тех, что стоят в приемной клиники, где три раза в неделю работала Мадлен. Когда Гурни и Ким сели, Роткер продолжила:

– Это мое личное предпочтение – мне так комфортнее. Но одновременно это требование того мира, в котором мы живем. По-моему, долг каждого гражданина – смотреть в лицо реальности. Я удовлетворила ваше любопытство?

– Отчасти.

Она посмотрела ему в глаза.

– Мы на войне, детектив Гурни. Наша война – против тварей, не различающих добро и зло. Или мы их, или они нас. Такова реальность.

Гурни подумал – наверно, в сотый раз в жизни, – насколько эмоции влияют на мышление. Поистине злость – мать убежденности. Есть величайшая ирония в том, что, когда чувства дурачат нас сильнее всего, мы более всего уверены в своей оценке происходящего.

– Вы сами были копом, – продолжала Роткер, – вы сами все это знаете. Мы живем в мире, где в цене лоск, а жизнь не стоит ломаного гроша.

После этого неутешительного вывода повисло молчание. Нарушила его Ким, заговорившая намеренно бодро:

– Кстати, я хотела рассказать Дэйву про ваш тир. Может быть, вы ему покажете? Уверена, ему будет очень интересно.

– Можно, – откликнулась Роткер без возражений, но и без энтузиазма. – Пойдемте.

Она провела их через холл к задней двери, снаружи на полдома тянулась вдоль стены собачья клетка. К ним с рычанием метнулись четыре мощных ротвейлера, но смолкли, как только хозяйка скомандовала что-то по-немецки.

Дальше, в поле, стояла вытянутая постройка без окон, одним концом смотревшая на ограду за домом. Роткер отперла металлическую дверь и зажгла свет. Внутри оказался обыкновенный тир с одним местом для стрельбы и механизмом для перемещения мишени.

Она подошла к столу высотой в половину человеческого роста у входа и нажала на выключатель. Подвешенная на тросе нетронутая мишень со стилизованной фигурой человека стала отодвигаться и остановилась на расстоянии двадцати пяти футов.

– Не желаете ли, детектив?

– Я лучше посмотрю на вас, – с улыбкой сказал Гурни. – Думаю, вы прекрасно стреляете.

Роткер холодно улыбнулась в ответ:

– В целом неплохо, для большинства возможных случаев.

Она снова нажала на выключатель, и мишень поехала дальше, пока не остановилась на максимальном расстоянии – в пятьдесят футов. Роткер сняла с крючка на стене наушники и защитные очки, надела их и оглянулась на своих гостей.

– Простите, больше нет. Обычно я стреляю без зрителей.

Она достала из кобуры пистолет, проверила обойму, сняла с предохранителя и застыла, как олимпиец перед прыжком в воду с вышки. Гурни потом казалось, что эту сцену он не забудет до конца своих дней.

Роткер заорала – издала яростный, звериный вопль, похожий скорее на раскат грома, чем на человеческий голос. “су-ука-а!” – завопила она, не умолкая, резко подняла пистолет, словно не целясь открыла огонь и одной очередью выпустила всю пятнадцатизарядную обойму. По ощущениям Гурни, не прошло и четырех секунд.

Затем женщина медленно опустила пистолет, положила его на стол, сняла очки, наушники и аккуратно повесила их на крючок. Снова нажала на кнопку, и мишень проскользила к столу. Роткер аккуратно сняла ее и обернулась к своим спутникам, спокойно улыбаясь и как будто полностью владея собой.

Она показала мишень Гурни. Центр человеческой фигуры, куда обычно целятся стрелки, остался нетронутым. Вообще вся фигура осталась нетронутой, за исключением одного-единственного места. Посередине лба зияла большая дыра.

Глава 11

Странные последствия

“Миата” с Ким и Гурни ехала через пустеющую деревню Пикок к окружной дороге, ведущей по холмам и долинам в Уолнат-Кроссинг. Было самое начало шестого, небо прояснялось, дождик наконец перестал.

– Меня это представление потрясло куда больше, чем тебя, – заметил Гурни.

Ким оценивающе взглянула на него.

– Из чего вы заключили, что я видела его раньше? Вы правы.

– Так вот почему ты предложила показать мне тир? Чтобы я посмотрел этот спектакль?

– Ага.

– Ну что ж, впечатляет.

– Я хочу все вам показать. По крайней мере, все, что успею.

Оба замолчали. Гурни казалось, что он уже и так видел немало. С трудом верилось, что Конни Кларк позвонила ему только вчера утром. Он прикрыл глаза и попытался мысленно упорядочить мешанину виденных сцен и слышанных разговоров. Голова шла кругом. Странный это был проект. И странно было, с чего он в нем участвует.

Он проснулся, только когда Ким свернула на гравийную дорогу в гору, к его дому.

– Боже, я и не думал, что засну.

– И хорошо, что заснули, – вид у нее был усталый и серьезный.

На насыпь прямо перед ними выбежали три оленя.

– Вам не случилось сбить оленя? – спросила Ким.

– Стучалось.

Что-то в его голосе заставило Ким с удивлением взглянуть на него.

Это произошло полгода назад. Гурни ехал по трассе 10, когда впереди из леса слева выскочила олениха – и перебежала дорогу, к полю. Когда он проезжал это место, прямо ему под колеса выскочил олененок.

Гурни вздрогнул, явственно вспомнив звук удара.

Затормозил. Встал на обочине. Подошел. Скрюченное тельце. Распахнутые мертвые глаза. Олениха на поле. Оглядывается, ждет. Скорбь и ужас переполнили Гурни – он чувствовал их даже теперь.

Ким проехала стоящую на холме грязную ферму с дюжиной грязных коров и полудюжиной ржавых машин.

– У вас хорошие отношения с соседями? – поинтересовалась она.

Гурни то ли хмыкнул, то ли усмехнулся.

– Смотря с кем.

Они проехали еще полмили, и в конце дороги показался красный амбар Гурни на берегу пруда.

– Останови здесь, – сказал Гурни, – я хочу прогуляться по пастбищу. Заодно проснусь и взбодрюсь.

Ким нахмурилась.

– Трава, кажется, мокрая.

– Не страшно. Приду домой, разуюсь.

Она остановила машину у двери амбара, заглушила двигатель, но не убрала руку с ключа зажигания. Вид у нее был беспокойный.

Вместо того чтобы выйти, Гурни сидел и ждал. Чувствовалось, что она хочет что-то сказать.

– А что... – начала она, запнулась, потом начала снова. – А что... что дальше?

Гурни пожал плечами.

– Ты наняла меня на один день. Этот день прошел.

– Есть ли надежда на второй?

– А зачем я нужен?

– Поговорить с Максом Клинтером.

– Зачем?

– Я никак не могу его раскусить. Похоже, он знает что-то о деле Доброго Пастыря. Что-то ужасное. Но я никак не пойму, правда ли знает или сошел с ума и ему чудится. Я подумала, вы же оба детективы: если вы с ним пообщаетесь как коп с копом, он и расколется, особенно если меня там не будет – только вы, с глазу на глаз.

– Где он живет?

– Так вы поедете? И поговорите?

– Я этого не сказал. Я только спросил, где он живет.

– Недалеко от озера Кайюга. Совсем рядом с тем местом, где случилась эта провальная погоня. В том числе поэтому я боюсь, что он малость рехнулся.

– Потому что он хочет там жить?

– Дело в том, почему он хочет там жить. Он говорит, в этом месте они встретились с Добрым Пастырем и в этом же месте карма сведет их вновь.

– И с этим человеком вы мне предлагаете поговорить?

– Чокнутый, правда?

Гурни сказал, что подумает.

– Обещаю, вам с ним будет... интересно.

– Посмотрим. Дам вам знать, что решу. – Он вылез из ее крохотной машинки, посмотрел, как она разворачивается и вновь выезжает на узкую дорогу.

Короткая прогулка через пастбище как нельзя лучше помогла отвлечься от событий дня. На него нахлынули ароматы ранней весны: странноватая сладость влажной земли, воздух, такой свежий, что смог очистить душу – смыть всю копоть, мешающую видеть вещи как они есть.

По крайней мере, так казалось Гурни – пока он не пришел домой, не побыл там минут пять, не зашел в ванную, не умылся и пока Мадлен не спросила, как прошел день.

Он вспомнил, насколько сумел, подробности трех странных встреч, на которые они ходили с Ким, и всех людей, с которыми они встречались: Руди Гетца и девушку на роликах, Ларри Стерна в кардигане, как у мистера Роджерса, Роберту Роткер и ее безумный спектакль со стрельбой. Еще рассказал все, что знал о Максе Клинтере – странном, трагическом герое, чья жизнь по вине Доброго Пастыря изменилась навсегда.

Он сидел за столом у французской двери, а Мадлен стояла у раковины и нарезала овощи на разделочной доске.

– Ким хочет, чтобы я в этом поучаствовал еще один день. А я, черт возьми, не знаю, что делать.

Мадлен надрезала большую красную луковицу.

– Как твоя рука?

– Что?

– Рука. Онемевшее пятно. Как оно?

– Не знаю. Я не... – он осекся и потер предплечье и запястье. – В целом... так же, кажется.

А почему ты спросила?

Она повертела в руках луковицу, снимая толстые верхние слои.

– А как бок, не болит?

– Сейчас не болит. А так, то заболит, то перестанет.

- Через каждые десять минут, так, кажется?
- Примерно.
- А сегодня как часто?
- Не соображу.
- Не сообразишь, болел ли бок вообще?
- Не знаю.

Она кивнула, разрежала пополам цукини, положила половинки на доску и начала нарезать небольшими дольками.

Гурни поморгал, уставился на нее, откашлялся:

- Так ты говоришь, стоит наняться к Ким еще на день?
- Разве я это сказала?
- По-моему, сказала.

Повисло долгое молчание. Мадлен нарезала баклажан, желтый кабачок и красный сладкий перец, смешала в большой миске, отнесла на плиту и высыпала в шипящий вок.

- Она интересная девушка.
- В смысле?
- Умная, привлекательная, тонкая, амбициозная, энергичная. Ты не находишь?
- Хм. Ну, она определенно не пустышка.
- Может познакомить их с Кайлом?
- С моим сыном?
- Я не знаю никакого другого Кайла.
- А почему ты подумала?..
- Просто я представила их вместе, вот и все. По характеру они разные, но на одной волне.

Он попытался представить, как могли бы развиваться эти отношения. Но спустя полминуты отказался от этой затеи. Слишком много вариантов, слишком мало сведений. Он завидовал мощной интуиции Мадлен. Эта интуиция в мгновение ока переносила ее через бездны неизвестности, перед которыми сам Гурни застыл столбом.

Глава 12

Безумие Макса Клинтера

– Прибываем к точке назначения, справа.

Навигатор привел Гурни к перекрестку без указателей: грязный проселок примыкал к мощеной дороге, по которой Гурни только что проехал две мили, не встретив по пути ни одного дома, не дышавшего на ладан.

С одной стороны проселка была открыта железная калитка, с другой стоял сухой дуб со шрамом от молнии на стволе. К стволу был прибит человеческий скелет – или же, подумал Гурни, крайне правдоподобный муляж. На шее у скелета висела рукописная табличка: “последний непрошенный гость”.

После всего, что Гурни успел узнать о Максе Клинтере, в том числе из телефонного разговора этим утром, табличка его не удивила.

Гурни свернул на изрытую канавами тропу, тянувшуюся наподобие дамбы прямо через большой бобровый пруд. За прудом тропа уходила в заросли кленов, проходила их насквозь и приводила в конце концов к бревенчатой хижине, построенной на клочке суши, окруженной водой. Вокруг в изобилии росли болотные травы.

Хижину окружало своеобразное ограждение: что-то вроде рва в спутанной траве, обнесенного изгородью из мелкой сетки. Тропа вела через этот ров и тоже была обнесена изгородью по обеим сторонам. Пока Гурни рассматривал эту конструкцию и гадал, зачем она нужна, дверь хижины отворилась и на каменный порожек вышел человек, одетый в камуфляж, вопиюще не сочетающийся с сапогами из змеиной кожи. Вид у него был неприветливый.

– Гадюки, – произнес он сурово.

– Простите?

– В осоке. Вы ведь это хотели спросить? – Он говорил со странным акцентом, не сводя пристального взгляда с Гурни. – Гремучие змейки. Маленькие – самые опасные. Вся округа знает. Лучшая защита.

– Думаю, в такой холод они спят и не слишком опасны, – доброжелательно отозвался Гурни. – Вы, должно быть, мистер Клинтер?

– Максимилиан Клинтер. Погода влияет лишь на материальных змей. Мысль о змеях – вот что отпугивает непрошенных гостей. Никакая погода не властна над змеями в их голове. Понимаете, о чем я, мистер Гурни? Я бы вам предложил войти, но я никому этого не предлагаю. Ничего не поделаешь – ПТСР⁴. Если вы войдете в дом, мне придется остаться на улице. Двое – уже толпа. Не продохнуть ни хера. – Он диковато усмехнулся.

Гурни вдруг понял, что говорок Клинтера – это утрированный ирландский акцент, который вдобавок то появляется, то исчезает, как у Марлона Брандо в “Излучинах Миссури”.

– Я всегда принимаю гостей на свежем воздухе. Надеюсь, вы не в обиде. Следуйте за мной.

Клинтер провел Гурни вдоль ограждения к выцветшему от солнца столу для пикника позади хижины. Позади стола, прямо около болота, стоял настоящий армейский “хаммер” песочного цвета.

– Вы на этом ездите? – поинтересовался Гурни.

– В особых случаях, – заговорщически подмигнул Клинтер и уселся за стол. Он взял со скамейки пару тренажеров для кистей и принялся их сжимать.

– Располагайтесь, мистер Гурни, и скажите, что вас интересует в деле Доброго Пастыря.

---

⁴ ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

– Я уже говорил вам по телефону. Меня попросили...

– Чуть-чуть помочь одинокой мисс Сердце?

– Мисс Сердце?

– “Корасон” – значит “сердце”. Испанский для начинающих. Впрочем, уверен, вы и без меня знаете. Подходящее имечко, правда? Дела сердечные. Превратности любви. Сердце кровью обливается, так сострадает жертвам преступления. Но при чем здесь Максимилиан Клинтер?

Последние слова Клинтер произнес уже безо всякого акцента. Он смотрел на Гурни пристальным, неподвижным взглядом.

Надо было срочно решать, как себя вести. Гурни выбрал дерзкую откровенность.

– Ким думает, вы что-то знаете про это дело, знаете и молчите. Она не может вас раскусить. Похоже, вы ее до чертиков напугали. – Гурни мог побиться об заклад, что Клинтер польщен, но не подает виду. Да, пожалуй, “карты на стол” – верная тактика. Кстати, меня очень впечатлил рассказ о вашем спектакле в Буффало. Если хоть половина из этого – правда, то вы прямо талантливы.

Клинтер улыбнулся:

– Медовый мой.

– Что-что?

– Кличка у него такая была в шайке. У Фрэнки Бенно.

– Он красавчик был что ли?

Глаза Клинтера блеснули.

– Не, из-за хобби. Пчеловод он был.

Гурни засмеялся, представив эту картину.

– А вы сами, Макс? Вы что за человек? Я слышал, вы занимаетесь особым оружием?

Клинтер смерил его пристальным взглядом, все сжимая свои тренажеры – словно бы вообще без усилий.

– Коллекционным, деактивированным.

– То есть оно не стреляет.

– Крупное армейское оружие практически все выведено из строя. Еще есть занятные вещицы помельче, вот те стреляют. Но я не продавец. Продавцам нужна федеральная лицензия. Так что я не продавец. Я, как это называет закон, любитель. Иногда продаю что-нибудь из личной коллекции другому любителю. Понимаете?

– Кажется, да. Какое оружие вы продаете?

– Необычное. Я должен чувствовать, что вещь подходит каждому данному индивидууму. Я всем даю это понять. Хотите гребаный “глок” – покупайте в гребаном “Уолмарте”. Таково мое кредо, и я его не стыжусь. – Он снова заговорил с ирландским акцентом. – С другой стороны, если вам нужен пулемет “виккерс” времен Второй мировой, а к нему противовоздушная тренога, то можно и потолковать, ежели вы любитель навроде меня.

Гурни лениво повернулся на своей скамье и поглядел на бурую воду болота. Затем зевнул, потянулся и улыбнулся Клинттеру.

– Так скажите, вы действительно что-то знаете о деле Доброго Пастыря? Так думает Ким. Или это хитрости, уловки и чушь собачья?

Хозяин вперил в Гурни пристальный взгляд и заговорил далеко не сразу:

– По-вашему, это чушь – что все машины были черные? Это чушь – что двое убитых окончили один и тот же университет в Бруклине? Это чушь – что на деле Доброго Пастыря “РАМ-Ньюс” заработали рейтинг и деньги? А что ФБР окружило его завесой молчания – тоже чушь?

Гурни поднял руки: сдаюсь.

– И о чем же все это говорит?

– О зле, мистер Гурни. В самой сердцевине этого дела лежит немыслимое зло. – Руки Клинтера продолжали терзать тренажеры: сжал-отпустил, сжал-отпустил – так быстро, что это напоминало конвульсии. – Кстати, вы в курсе, что бывают извращенцы, которых видео автокатастроф доводят до оргазма? Вы в курсе?

– Кажется, в девяностые кто-то снял про это фильм. Но вы не думаете, что дело Доброго Пастыря из той же серии... или думаете?

– Я ничего не думаю. Просто у меня есть вопросы. Много вопросов. Не был ли манифест оберткой для какой-то другой бомбы – рождественский подарок в коробке для пасхального? А может, у нашего Клайда была своя Бонни? Может, фигурки из Ноева ковчега дают ключ к разгадке? Нет ли между убитыми тайных связей, которых никто не заметил? Что определило выбор жертв: само их богатство или то, каким путем оно было нажито? Любопытно, не правда ли? – Он подмигнул Гурни. Ясно было, что ответ ему не нужен. Он захлебывался собственным красноречием. – Столько вопросов. А может, там вовсе не пастырь, а пастушка: сама Бонни – полоумная сучка, пышущая злобой на богачей?

Он умолк. В жутковатой тишине остался один лишь звук – поскрипывание его тренажеров.

– У вас будут очень сильные руки, – заметил Гурни.

Клинтер свирепо усмехнулся.

– Во время последней моей встречи с Добрым Пастырем я был чудовищно, позорнейше, трагичнейше не в форме. Больше такого не повторится.

Гурни вдруг представилась финальная сцена “Моби Дика”. Вот Ахав сжимает гарпун, вот вонзает его в спину кита. И оба, Ахав и кит, слитые нераздельно, навеки исчезают в морских глубинах.

Глава 13

Серийные убийства

Покинув медвежий угол Клинтера с его змеями, настоящими или вымышленными, заброшенным рвом и скелетом на посту, Гурни уже через несколько миль остановился в разворотном кармане на обочине. Он был недалеко от вершины пологого холма, откуда открывался вид на северный край озера Кайюга, ослепительно синего, одного цвета с небом.

Он достал телефон и набрал номер Джека Хардвика. Затем наговорил на автоответчик:

– Привет, Джек, есть вопросы. Только что говорил с мистером Клинтером. Нужно с тобой посоветоваться кое о чем. Позвони мне. Как можно скорее. Спасибо.

Потом позвонил Ким.

– Дэйв?

– Привет. Я тут недалеко от тебя, пытаюсь кое-что выяснить. Подумал поговорить с Робби Мизом. У тебя же есть его телефон и адрес?

– Зачем... зачем вам с ним говорить?

– А есть возражения?

– Нет. Просто... Не знаю... Хорошо, конечно. Секунду. – Она перезвонила меньше чем через минуту. – У него квартира в Типперари-Хилл, Южный Лоуэлл, тридцать ноль три.

Она продиктовала телефон, Гурни записал.

– Помните, его нужно называть Монтегю, а не Мизом. Но что... что вы собираетесь делать?

– Просто порасспрашиваю, может, узнаю что путное.

– Путное?

– Чем больше я узнаю об этом проекте – точнее, о деле, которому он посвящен, – тем загадочнее все становится. Хочется немного ясности.

– Ясности? Это к нему-то за ясностью?

– Похоже, он актер в нашей маленькой драме, а я даже не знаю, что он вообще за тип. Неуютно, черт возьми.

– Я рассказала вам о нем все, что знаю, – она явна была задета и будто оправдывалась.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Тогда зачем?..

– Ким, если ты просишь меня помочь, то предоставь хоть какую-то свободу действий.

Она колебалась.

– Ладно... Наверное... Только осторожнее. Он... странный.

– Юноши с двойными фамилиями часто бывают странными.

Гурни отключил Ким и собирался уже засунуть телефон в карман, но он зазвонил. На экране высветилось имя: Дж. Хардвик.

– Привет, Джек, спасибо, что перезвонил.

– Что ты, Шерлок, я лишь скромный служитель закона. Чего изволит великий сыщик?

– Я точно не знаю... Какие материалы по делу Доброго Пастыря тебе доступны?

– А, понимаю, – протянул он тем самым насмешливым голосом, который так ненавидел Гурни.

– Что понимаешь?

– Чую, как у Шерлока в отставке зашевелились извилины.

Гурни оставил эту реплику без внимания.

– Так к чему у тебя есть доступ?

Хардвик прочистил горло, будто до самого желудка.

– Первоначальные отчеты о происшествии, документы жертв, дополнительные сведения о жертвах, фотографии голов, после того как их разворотила крупнокалиберная пуля. Тут мне вспоминается колоритный эпизод. Одну из убитых, весьма модную леди-риелторшу, это пушечное ядро из “дезерт-игла” оставило без целых кусков челюсти и черепа. Так вот, парнишка из отдела улик увидел зрелище, которого никогда не забудет. Мочка уха размером с десятицентовик висела на кусте сумаха, а в ней так и осталась большая бриллиантовая сережка. Ты представляешь, спец? Такое не забудешь. – Он помолчал, чтобы Гурни успел вообразить эту картину. – Так вот, у нас есть куча инфы такого рода плюс показания судмедэкспертов, отчеты отдела улик, гора лабораторных исследований, отчеты следственной команды, профиль убийцы от экспертов из отдела анализа поведения, бла-бла-бла – полтонны трепла. К чему-то есть доступ, к чему-то нет. Тебе-то что надо?

– Мне бы все, чем ты можешь поделиться, не нажив серьезных неприятностей.

Хардвик рассмеялся своим наждачным смехом.

– Раз уж связался с ФБР, то неприятности будут. Стадо самовлюбленных маразматиков: все в интересах родного бюро, все под контролем. – Он помолчал. – В общем, посмотрю. Скину тебе пару вещей прямо сейчас и кое-что потом. Проверь почту. – Хардвик всегда был рад помочь, если для этого надо было нарушить правила и наступить кое-кому на больные мозоли.

– Кстати, – сказал Гурни, – я как раз встречался с мистером Клинтером.

Хардвик опять забулькал, на этот раз громче.

– Ну и как тебе Макси? Впечатлил?

– Ты видел его дом?

– Ага. Кости, змеи, “хаммер” и бредятина. Ты про этот дом?

– Похоже, ты не придаешь его болтовне особого значения.

– А ты что, придаешь?

– Я пока не знаю, что о нем думать. Конечно, там есть элемент сумасшествия, но есть и актерство: он явно играет в сумасшедшего. Трудно понять, где еще игра, а где уже нет. Он что-то говорил про ПТСР. Не знаешь случайно, это не после той пьяной гонки, за которую его уволили?

– Нет. Это еще с первой войны в Персидском заливе. Парень рядом с ним попал под огонь своих с вертушки. Тогда он кое-как собрался, перетерпел. Но очень может быть, именно из-за этого он так и сдал после истории с Добрым Пастырем. Мало ли? Может, он вообразил, что палит по гребаному вертолету.

– А кто-нибудь интересовался его версиями по этому делу?

– Не было у него никаких версий. Были бредовые фантазии, ибо думал он жопой. Слышал когда-нибудь, как говорят сумасшедшие: возьмите число ножек у стула, умножьте на мистическое число семь и получите число дней в лунном месяце. Вот такой фигней был набит Макси, по самые уши.

– То есть ты не думаешь, что у него есть какие-то дельные соображения?

Хардвик задумчиво проворчал:

– Что у Макси точно есть, так это ненависть, навязчивая идея да ум пополам с придурью. Гурни доводилось встречать такую комбинацию. Верный путь к гибели.

Четверть часа спустя, проехав живописные холмы между озерами Кайюга и Оваско, он свернул рядом с Оберном – заправить машину и подзарядить мозги большим стаканом кофе. Часы на приборной доске показывали пять минут второго.

Получив чек, он отъехал в сторону от колонки, чтобы спокойно выпить кофе и обдумать предстоящий разговор с Мизом-Монтегю.

Тут звякнул телефон. Пришло СМС: проверь почту.

Проверил – письмо от Хардвика. “См. во вложении: отчеты о происшествии (6), предыдущие перемещения, отчеты ППНП⁵, перечень повторяющихся деталей, фотографии трупов перед вскрытием”.

Название каждого из файлов с отчетами о происшествии состояло из числа (от одного до шести, по всей видимости, в хронологическом порядке) и фамилии убитого. Гурни открыл документ “1-МЕЛЛАНИ” и начал пролистывать пятьдесят две страницы текста.

Здесь были рапорт полицейского, первым прибывшего на место преступления, планы места преступления, фотографии места преступления, примерная реконструкция событий на основании имеющихся данных, отчет о повреждениях, причиненных автомобилю, отчет об имеющихся уликах, перечень полицейских и отделов полиции, ответственных за расследование, предварительный отчет судмедэксперта и список лабораторных исследований.

Если остальные пять отчетов были столь же обстоятельны и подробны, как этот, то вместе должно было получиться более трехсот пятидесяти страниц. Для таких подвигов трехдюймовый экран мобильного был явно неприспособлен.

Гурни вернулся к списку вложений и выбрал файл “Общие детали” – детали, повторяющиеся во всех шести преступлениях. К его радости, там оказался список из 13 пунктов, занимавший всего одну страницу:

1. Все нападения совершены в выходной день, в период с 18 марта по 1 апреля 2000 года.
2. Все нападения совершены вечером, с 21:11 до 23:10.
3. Все нападения совершены в пределах прямоугольника площадью 200 на 50 миль между Центральным Нью-Йорком и Массачусетсом.
4. Все нападения произошли на изгибах дорог влево, при этом дорога хорошо просматривалась.
5. На момент выстрела автомобиль жертвы двигался с умеренной скоростью (46–58 миль в час).
6. В момент убийства движения на дороге мало или нет, свидетелей нет, камер видеонаблюдения нет, коммерческих или жилых построек рядом нет.
7. Нападения совершены на второстепенных дорогах, соединяющих большие магистрали с элитными районами.
8. Автомобили жертв – черные “мерседесы” последних моделей, премиум-класса (от 82 400 до 162 760 \$).
9. Один выстрел в голову водителя, мозг сильно поврежден, практически мгновенная смерть.
10. Расчетная дистанция выстрела: от 6 до 12 футов.
11. Все пули – “экшен-экспресс” калибра .50, такими стреляет только “дезерт-игл”.
12. На месте преступления найдены пластмассовые фигурки животных из популярного набора игрушек. В порядке нахождения: лев, жираф, леопард, зебра, обезьяна, слон.
13. 5 из 6 жертв – мужчины.

Почти каждый пункт в списке вызывал у Гурни один-два вопроса. Он закрыл “Общие детали” и открыл “Фото жертв до вскрытия”. Он заранее скривился, представив, что придется увидеть. В файле было двенадцать фотографий, по два снимка каждого из убитых: один прямо на месте преступления, другой – перед вскрытием.

Гурни стиснул зубы и стал листать эти жуткие фотографии. Он вновь вспомнил о своей сомнительной привилегии. Копы и врачи скорой помощи обладают тайным знанием, недоступным девяносто девяти процентам смертных: знанием о том, что может сделать с головой чело-

---

⁵ ППНП – программа предотвращения насильственных преступлений (ViCap), один из отделов ФБР.

века пуля крупного калибра с экспансивной полостью. Может превратить ее в чудовищное, нелепое месиво. Превратить череп в расколотый шлем, скальп – в странную шляпу набекрень. Может скривить черты лица в гримасе смеха или удивления. Превратить лицо в комическую маску – тупую или гневную. А то и вовсе снести начисто, оставив лишь мешанину из мозга, глазниц и зубов.

Гурни закрыл файл с фотографиями, вышел из почты и снова взял кофе. Тот уже остыл. Гурни все равно сделал пару глотков, потом отставил стакан и позвонил Хардвику.

– Какого хрена, Шерлок?

– Спасибо за данные. Оперативно.

– Ну да. А щас тебе чего?

– Хотел поблагодарить.

– Хорошо брехать. Че надо-то?

– Все, что не было записано.

– Похоже, ты думаешь, я знаю больше, чем на самом деле.

– Я никогда не встречал человека с такой памятью, как у тебя, Джек. Всякое дерьмо просто застревает у тебя в мозгу. Пожалуй, это твой главный талант.

– Иди в жопу.

– На здоровье. Не мог бы ты вкратце рассказать мне о каждом из убитых – например, откуда они ехали в тот день?

– Номер раз, Бруно Меллани. Вместе с женой Кармеллой возвращался с крестин на Лонг-Айленде в свой особняк в Чатеме, Нью-Йорк. Крестины были скорее данью уважения деловым партнерам. Бруно интересовали только деньги и бизнес. Ходили слухи, что он стал, так сказать, причиной радостного события, но то же самое можно было сказать про многих людей из нью-йоркской строительной индустрии, а слухи, похоже, были ему выгодны. Пуля прошла сквозь боковое стекло его “мерседеса”, снесла ему треть головы, попала в Кармеллу – та впала в кому. Их сын Пол и дочь Пола, обоим на тот момент ближе к тридцати, как и предполагается, скорбели, так что, может, у папаши и правда были какие-то достоинства. Тебе такое нужно или что?

– Все, что придет в голову.

– О’кей. Номер два. Карл Роткер ехал домой, в огороженный поселок около Болтон-Лендинга на западном берегу Лейк-Джорджа. Ехал из Скенектади – у него там гигантский магазин водопроводной арматуры. Как это часто с ним бывало, по пути Карл заехал к бразильянке вдвое моложе его. В машине у него играл Синатра. Мы это знаем, потому что чертова магнитолы все еще орала “I did it my way”, когда патрульный обнаружил на обочине перевернутую машину – лужа Карловой крови на опрокинутой крыше. Еще надо?

– Давай сколько есть.

– Номер три. Иэн Стерн был весьма преуспевающим стоматологом – владелец, управляющий и главный промоутер крайне прибыльной клиники, больше десятка врачей на Манхэттене, в Верхнем Ист-Сайде. Ортодонтия, косметическое протезирование, челюстно-лицевая и пластическая хирургия – в общем, фабрика безупречных улыбок и безупречных скул для тех, у кого есть деньги, но не хватает красоты. Сам доктор, высушенный человечек, был похож на умную ящерицу. Крутил красивый роман с молодой русской пианисткой из Джульярда⁶. Ходили слухи, что поженятся. С ним вышло забавно: когда пуля раздробила Иэну кору мозга и большой черный “мерседес” S-класса канул в ближайшую речку, первое, что удалось разглядеть полицейскому, – освещенный включившимися от удара фарами номерной знак: ваша улыбка. Ну что, хватит?

– Отнюдь, Джек. Ты прирожденный рассказчик.

---

⁶ *Джульярдская школа* – одно из крупнейших американских высших учебных заведений, где преподают музыку и искусства.

– Номер четыре. Шэрон Стоун, весьма успешная брокерша по недвижимости с шикарным имечком, ехала домой в шикарный поселок Баркхем-Делл, перед этим у них с влиятельными друзьями из правительства штата была вечеринка. Жила в роскошнейшем старом доме в колониальном стиле с двадцатисемилетним сыном-геем и brutальным садовником, который, по слухам, спал и с матерью, и с сынком. Это у миссис Стоун отлетела мочка с сережкой, о которой я тебе рассказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.